

МИРОСЛАВА ЧАЙКА

Последний гость

убийство в самом идиллическом
уголке планеты

18+

Мирослава Чайка
Ирина Бойко
Последний гость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67834782

SelfPub; 2023

Аннотация

Загадочное голосовое сообщение от старого друга заставляет Джемму вернуться в городок детства под названием Персиковая Долина. Джемма мечтает посетить бал невест, встретиться со старыми друзьями и вернуть свою первую любовь – красавца винодела Николая, но мечтам о безмятежном отдыхе не суждено сбыться. Во-первых, властная тетя Джеммы просит племянницу соблазнить яхтсмена Глеба, который затевает бунт в поселке, а во-вторых, происходит убийство Андрея Дижэ, чье сообщение и привело Джемму в Долину. Раскрыть это преступление для девушки становится делом чести. Но в ходе расследования всплывают все новые и новые тайны жителей поселка и под подозрением оказываются даже самые близкие... Тонкий психологизм романа, многоуровневый сюжет и яркие персонажи будут держать вас в напряжении до самого финала.

Содержание

1. Персиковая Долина	5
2. Висячие сады мадам Надин	21
3. Мардук	41
4. Соня	81
5. Гнездо	106
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Мирослава Чайка, Ирина Бойко Последний гость

Причина гибели цивилизаций – не убийство, а самоубийство.

Арнольд Тойнби

1. Персиковая Долина

По извилистой дороге горного серпантина на большой скорости несся красный кабриолет, словно отполированный шарик в игре пинбол. За рулем сидела девушка, туго повязав на голову желтый шелковый платок, удерживающий прическу, а ее постоянно сползающие солнечные очки на поллица позволяли не щуриться от нещадно палящего солнца. И хотя она не ездила по этой дороге уже четыре года, но все еще хорошо знала каждый неожиданный поворот, каждый спуск и крутой подъем. Она помнила, после какого огромного валуна будет улавливающий тупик, чтобы предотвратить столкновение с редким встречным автомобилем, и у какого векового кедра нужно свернуть с дороги, чтобы напиться из прозрачного ледяного ключа. Путь ее лежал к небольшому поселку, который раскинулся у подножья горы в живописной долине, зажатой между двух горных рек, впадавших в соленое озеро. Это озеро когда-то было заливом моря, но постепенно часть его обмельчала, образовав песчаную косу, и теперь поселок под звучным названием Персиковая Долина был отрезан от курортной зоны на радость его немногочисленных жителей.

Джемма, так звали девушку за рулем, возвращалась в Долину по нескольким причинам: во-первых, она обещала навестить родственницу, у которой в детстве гостила каждое

лето, во-вторых, хотела повидать старых друзей, и, в-третьих, недавно кто-то из этого поселка прислал ей странное голосовое сообщение на телефон, и сейчас Джемма в очередной раз слушала его, вставив наушник в ухо. В сообщении приятный мужской голос очень поэтично наговаривал строчку за строчкой, словно песню, и так это звучало задумчиво, с такой ностальгией по прошлой беззаботной жизни, что Джемма отложила все дела, собрала чемодан и, силясь по голосу распознать читавшего, отправилась в Персиковую Долину.

«Время несет волну за волной, мерно дышит прибой, вода прохладная. Так лодки сшивают стежками два берега, утес, висячие сады, цветные дворы с идеальными домиками, стеклянные оранжереи в бликах, холм “Зиккурата” задран ввысь. Но без тебя это просто слова, я будто потерял жизнь. Хочу взять тебя за руку и пешком через центр, пробежать по ступенькам, разделить с тобою завтрак, нырнуть в тень, что-то найти, что-то потерять. Помнишь улыбки до боли знакомых людей, чайки взлетают с площади, детский смех разливается над фонтаном, брызги блестят, как бисер, и ты бросаешь монетку, чтобы вернуться? Ты подарила мне камушек с дыркой на счастье, жемчужину, шарик цветного стекла. Я сохранил эти мелочи, сжимаю их в ладони, и хоть время дарит новых друзей и новые события – ты всегда здесь. Вспоминай и обязательно возвращайся».

Еще раз прослушав сообщение, Джемма старалась при-

помнить, кому она дарила шарик из цветного стекла.

– Такой подарок я могла сделать, когда мне было не больше десяти лет, ну, в крайнем случае одиннадцать, – улыбаясь, вслух подумала она, – и это мог быть кто угодно, пальцев на руках не хватит, чтобы пересчитать всех моих друзей в Долине.

Девушка хотела еще раз включить запись, но тут заметила на обочине старый, словно потертая фляга, хаммер, плотно прижатый к краю отвесной скалы, и голосующего парня. Отреагировать на его призыв остановиться она не успела, а только постаралась хоть немного снизить скорость, чтобы не задеть. Проехав метров триста, она все же затормозила и начала сдавать назад. Поравнявшись с голосующим, Джемма не успела спросить, чем она может помочь, как вдруг молодой человек, не открывая дверцы, перепрыгнул через борт автомобиля, плюхнулся на сиденье рядом, брякая связкой ключей, и громко скомандовал:

– Гони, я опаздываю уже на двадцать минут.

– А вы не подумали, что нам может быть не по пути? – обескураженная бесцеремонностью спутника, спросила девушка, заводя мотор.

– Эта дорога ведет только в Персиковую Долину, так что некогда рассуждать, – ответил парень и хотел уже представиться своей спасительнице, но, повернув голову в ее сторону, обнаружил, что глаз не разглядеть за очками, а намотанный на голову платок, развевающийся от ветра, закрывал

остальную часть лица, волосы и даже шею. И только белые руки, держащие руль, выдавали в этой особе приезжую, поскольку было件нятно, что ее кожи еще не успело коснуться горячее южное солнце.

– Я, конечно, очень спешу, но все же лучше сбросить скорость, у нас такая дорога опасная, она закручена, словно спираль, – вместо приветствия заметил парень, придерживаясь за сиденье.

– Не волнуйтесь, домчу в лучшем виде, – заявила Джемма, наслаждаясь страхом попутчика, и с еще большей силой утопила педаль газа.

Юноша начал выходить из себя, его и без того загорелое лицо покраснело. Он резким движением повернулся к девушке и, впившись в нее колючим взглядом, с вызовом заговорил:

– Вот объясни, зачем покупать кабриолет, если потом обматываться в разные тряпки с ног до головы от солнца и пыли? Глупо.

– Да вы, я посмотрю настоящий нахал! Может, пешком предпочитаете добираться до поселка? И прекратите мне тыкать, мы ведь даже незнакомы.

– Меня зовут Глеб, – вдруг совершенно спокойно проговорил молодой человек и расслабленно развалился на сиденье, удивив Джемму такой резкой переменой.

– А что это вы так изменились в тоне? Испугались, что я вас высажу?

– Нет, просто я понял, что ты хорошо знаешь дорогу, иначе не смогла бы так умело свернуть влево у креста с венком, – ответил Глеб и еще раз взглянул на девушку, пытаясь рассмотреть хоть какие-то ее черты. Но, кроме пересохших губ с небольшой трещинкой по центру, ничего не было видно. Джемма тоже несколько раз мельком окинула взглядом пассажира в серой безликой футболке и нашла его короткие тугие кудри и узкие плечи невзрачными, а маленькие круглые очки и вовсе забавными, так что она тут же потеряла к нему интерес.

– Что случилось с машиной, почему заглохла? От старости? – спросила Джемма, просто чтобы скоротать время в пути.

– Ты что! Она только с виду потрепанная, а внутри каждый болтик, каждый механизм работают как швейцарские часы.

– И тем не менее...

– Машина здесь ни при чем, это все проделки мадам Дроу, – громко объявил юноша, будто зачитывал обвинительный приговор.

– Мадам Дроу? – переводя взгляд на парня, спросила Джемма, и если бы он мог видеть ее глаза, то удивился бы, как они округлились.

– Ты что, не играешь в компьютерные игры?

– Играла в детстве, а сейчас мне двадцать четыре, – засмеялась девушка так заразительно, что на лице молодого чело-

века тоже заиграла улыбка.

– Первый раз вижу девушку, которая так запросто говорит о своем возрасте.

– Ну, я не со всеми так откровенна, – все еще смеясь, продолжала Джемма, пытаясь не наехать на ежа, выбежавшего на дорогу.

– Следовательно, во мне ты не видишь представляющую для тебя интерес мужскую особь, так, значит, надо понимать?

Джемма не стала развивать эту скользкую тему, а лишь спросила, что означает слово «Дроу» и почему эта мадам решила навредить ее попутчику.

– Дроу – это злобные эльфы, они отличаются жестокостью, вероломством и ведут междоусобные войны. Вот и эта дамочка затеяла со мной настоящую войну.

Джемма еще раз кинула взгляд на парня и, снисходительно улыбнувшись, пожала плечами.

– Ты что, не веришь? Так это она! Ну, не лично, а ее приспешники что-то сделали с моей машиной, чтобы я не успел на собрание. Она же хочет помешать мне построить возле утеса яхт-клуб и школу сап-серфинга. Думаю, прямо сейчас эта мадам убеждает сельский совет, что моя затея – никому не нужная блажь. А у самой чего только нет! Все магазины поселка принадлежат ей, кафе, маслобойня, сады, парк аттракционов, да еще наверняка куча всего, что мне неизвестно, а сейчас она строит громадный консервный завод, пред-

ставляешь?

Джемма словно перестала слушать сидящего рядом парня, горная дорога закончилась, и кабриолет выкатился на залитую летним солнцем долину, переливающуюся всеми красками самоцветов. Уже можно было ощутить еле уловимый запах моря и разглядеть ровные ряды ухоженных виноградников. Каждый куст был подвязан на опоры под небольшим наклоном, и яркие резные листья тянулись густой дорожкой, а если приглядеться, то за ними открывался вид на персиковые сады. Низкие деревья со слабой кроной были усыпаны бархатистыми спеющими плодами, и вокруг не было ни одной живой души. Казалось, природа замерла в ожидании чего-то важного, значительного. Девушке, жившей в огромном мегаполисе, эта райская благодать напоминала ожившую утопию, ей хотелось побыстрее оказаться наедине со своими мыслями и мечтами, обдумать планы на будущее, и присутствие незнакомого грубоватого молодого человека портило настроение. И как только они въехали на территорию поселка, Джемма остановила машину на перекрестке и сухо произнесла:

– Насколько я поняла, собрание проходит в клубе, здесь недалеко, дойдешь пешком, мне в другую сторону.

В начале улицы, на которую повернула Джемма, катясь по идеальной, как атласная лента, дороге, был установлен знак, напоминающий стелу с законами Хаммурапи, на котором было высечено: «Улица образцового порядка», и с этим

было трудно поспорить. Опрятные домики с крышами палевого цвета утопали в цветущих белоснежных палисадниках, густые ковры газона покрывали все свободное пространство, входы в дома украшали низкорослые пальмы, а на воротах виднелись причудливые «звериные» рельефы. Каменные скамейки у зеленых изгородей приглашали отдохнуть от долгого пути и стряхнуть с себя пыль и песок, но самое главное – павлины. Эти шикарные гордые птицы прохаживались прямо по тротуару и даже выходили на дорогу, нахохлившись, будто были недовольны появлением нового автомобиля в поселке, который скрипом своих колес растревожил их безмятежный сон. Этот дивный поселок был словно ожившая греза, мечта о древнем и прекрасном Вавилоне.

Девушка остановила машину у самого большого дома улицы, напоминающего дворянскую усадьбу, и, оглядевшись вокруг, потянулась, поднимая руки вверх, с наслаждением вдыхая аромат цветущих роз. Рядом с дорическим портиком с четырьмя гладкими колоннами тянулась терраса, заставленная плетеной мебелью, оттуда слышались голоса и звон посуды. Балконные двери второго этажа были распахнуты настежь, и прозрачный тюль раздувал еле заметный ветерок, заставляя легкую ткань поглаживать белоснежную балюстраду. Джемма прошла по аллее, ведущей к дому, под тенью цветущего клематиса, которым были заплетены выстроенные через каждый метр ажурные арки, и очутилась на веранде.

– Слава Мардуку, наконец-то ты здесь, мы ждем тебя с самого утра, – встала навстречу гостье, раскинув руки для объятий, статная красивая женщина в тонком льняном брючном костюме белого цвета. – Как добралась?

– Спасибо, тетя, хорошо. Сначала самолет, а потом у маминого знакомого одолжила машину, и вот я здесь.

Девушка перевела взгляд на еще одну даму, оставшуюся сидеть в плетеном кресле с чашкой в руках. Это была Катарина Юрьевна, подруга хозяйки дома, местный агроном, знавшая Джемму с детства, но сейчас она почему-то сидела в недоумении, хлопала глазами и не двигалась с места.

– Да размотай ты скорее свой платок, а то Катарина тебя не признала, – суетилась дама вокруг племянницы, помогая ей снять ветровку. Белокурые пряди рассыпались по хрупким плечам, и на дам устремился ясный взгляд прозрачных голубых глаз. – Вот же, другое дело.

– Неужели и вправду ты? – Катарина тоже подошла к девушке, несколько раз чмокнула ее в щеки и оглядела с ног до головы. – Наша красотка-сорванец приехала.

– Я приму душ, а потом присоединюсь к вам. Пусть кто-нибудь занесет чемоданы. Моя комната все еще на втором этаже, надеюсь? – и, уже зайдя в дом, Джемма прокричала, обернувшись: – А почему ты не в клубе на собрании?

– А зачем? Там есть кому представлять мои интересы, – холодно ответила мадам Надин, отправляясь с агрономом Катариной осматривать внезапно пожелтевшую тую.

Когда часы на центральной площади пробили полдень, Джемма со своей тетей сидела на террасе, попивая малиновый компот с теплыми ватрушками и вишневыми рогаликами. Выпечка источала сладкий аромат ванили вперемешку с мускусными нотами шафрана, а ее нежная корочка была до блеска намазана сахарным сиропом, так что у Джеммы не хватило сил отказать себе в этом удовольствии.

– Как же у тебя хорошо здесь, тетя! Главное, скажи поварихе, чтобы она не закармливала меня булками, а то к концу лета я буду сама похожа на ватрушку, – откинувшись на спинку кресла, мечтательно рассуждала Джемма, а потом вдруг выпрямилась и, посмотрев в упор на тетку, спросила: – А почему ты против строительства яхт-клуба в поселке? Это же так интересно и современно!

– Откуда ты об этом знаешь? – удивилась дама, насторожившись.

– Я подвозила парня, вроде бы его зовут Глебом, вот он мне и поведал о вашей войне. Представляешь, он тебя назвал мадам Дроу.

– А что значит «Дроу»?

– Не бери в голову, – засмеялась в ответ Джемма.

– Я с самого начала знала, что от него будут проблемы. Уж слишком невзрачный, – брезгливо скривившись, заявила дама.

– Тебя послушать, так от красивых людей меньше проблем, – сладко зевая, проронила Джемма.

– Конечно, те, кто хорош собой, собой и занимаются, а такие заморыши, как этот Глеб, вечно во все лезут!

– Ну, не такой уж он и заморыш, – пожала плечами девушка.

– Хорошо, что ты так считаешь, потому что тебе нужно с ним сблизиться и выведать, что он затевает против меня.

– Ни в коем случае, ты же знаешь, что я сейчас переживаю тяжелый разрыв и приехала сюда, чтобы зализать раны.

– Зализать раны? Ты в своем уме? То, что ты рассталась с этим своим Альфонсо, нужно отметить фейерверком.

– Вообще-то его зовут Альфредо, а не Альфонсо.

– Один черт, я бы сплясала чечетку на крышке гроба ваших отношений, – пренебрежительно махнув рукой, сказала мадам Надин. – Когда я приезжала к тебе на Новый год, он даже не соизволил донести мой чемодан.

– Он просто считает, что женщины и мужчины во всем равны.

– Ерунда, отговорки лентяя и хама. Я вот, если кого-то приглашу в ресторан, заплачу за ужин просто потому, что мне будет это приятно, или руку подам тому, кто выходит из машины, чтобы человеку было удобно. Мне не сложно, при чем здесь пол? А еще этот Альфонсо выбросил варенье из редкой белой черешни, которое я привезла!

– Это не со зла – он не ел сладкого, – тихо ответила Джемма.

– А еще он не слушал тебя и не уважал твои интересы!

Предложить моей девочке переехать в Норвегию, за тысячи километров от семьи! Если бы он действительно любил тебя, то никогда бы такое не придумал и уж точно не уехал бы сам.

– Вот видишь, в мужчинах я совсем не разбираюсь, так что к Глебу лучше подошли кого-нибудь другого.

– Кого я к нему только не подсылала, даже Жанетт.

– Жанетт – это которая вечно в блестках и с губами?

– Именно. Он ни на кого не клюет, вся надежда только на тебя. Прошу! Этот Глеб абсолютно лишил меня покоя: появился он внезапно, купил самый невзрачный дом на краю поселка и начал настраивать молодежь против меня, хочет подорвать наши устои, говорит, что мы живем несовременно и нужно все поменять. Уже успел открыть интернет-кафе, и это в период подготовки к балу невест!

Джемма заулыбалась, поднялась, подошла к Надин со спины, обвив руками ее шею, и, ласково прильнув щекой к ее голове, спросила:

– Ах, тетя, может, он прав?

– В чем прав? Там, где он собирается делать свой яхт-клуб, обнаружили горячие лечебные источники, на этом месте можно построить прекрасный санаторий и лечить людей. Да это и не важно, ты скажи, согласна мне помочь или нет?

– А что конкретно нужно делать?

– План у меня уже готов, но об этом позже. Для начала тебе нужно с ним сблизиться, может, узнать что-то, что могло бы быть нам полезным.

– Да, задачка не из легких, – прищурив глаза, процедила девушка. – Ну, тогда, как говорится, услуга за услугу, тетя.

– Когда ты научилась хитрить? – засмеялась в ответ женщина, подливая племяннице еще компота. – Ладно, выкладывай, что мне нужно для тебя сделать.

– Научи меня рисовать стрелки на глазах! – расхохотавшись, воскликнула Джемма, и для скрепления их сделки дамы стукнулись высокими стаканами с малиновым компотом, отчего пара багровых капель упала на белоснежную кружевную скатерть.

Джемма поднялась на второй этаж по широкой, покрытой ковровой дорожкой лестнице в свою комнату, чтобы отдохнуть с дороги. Она притворила слегка поскрипывающую дверь и, ослепленная светом, проникавшим через распахнутое настежь окно, присела на край цветастого кресла, чувствуя себя снова маленькой девочкой. Вокруг все было точно так, как и в ее детстве. Десять лет подряд каждые летние каникулы она проводила в этом доме. Спала на вот этой белой кровати с высоким изголовьем, обитым таким же цветастым мебельным флоком, что и кресло. Крутилась у зеркала в резной раме, собираясь на свидания или праздники, их в Персиковой Долине было превеликое множество. Сидела с подружками на пушистом ковре, мастера поделки для конкурсов. Девушка скинула свои модные мюли и босыми ногами прошлась по комнате, с наслаждением ступая на прохладные доски начищенного до блеска паркета. Задержалась

у стены, оклеенной обоями, напоминающими ситец, и начала рассматривать обширный гербарий, висящий тут же в белых лаконичных рамах. Этим гербарием она так дорожила, и даже беглый взгляд на него вызывал внутри трепет и волнение: раскрывшиеся цветки мака со стеблем и корневищем, голубые незабудки с аккуратно расправленными лепестками и слегка пожелтевшими листьями, белые цветки клубники разного размера с тоненькими усиками и завязью, дальше шли цветки ромашки, календулы и жасмина. Девушка бережно провела пальцами по стеклу и прикрыла глаза, вспоминая минуты, связанные с каждым этим цветком, и все струны ее сердца задрожали в ответ.

– Сейчас у меня получилось бы гораздо лучше, – прошептала она и уже мысленно добавила: «Все получилось бы намного лучше».

Джемма подошла к высокой этажерке с книгами, сплошь заставленной приключенческой литературой, и на средней полке заметила несколько фотоальбомов. Взяв один из них, прилегла на кровать, но листать не стала, а снова сунула в ухо наушник, прикрыла глаза и хотела еще раз прослушать сообщение, которое не давало ей покоя. Пыталась понять, что оно значило и кто мог ей его прислать: «Время несет волну за волной, мерно дышит прибой... Помнишь полосы света вдоль земли на рассвете, улыбки до боли знакомых людей, чайки взлетают с площади, детский смех разливается над фонтаном...», но тут послышался стук в дверь. Джем-

ма вздрогнула. А на пороге появилась девушка в шелковом сарафане до самых пят, ее блестящие черные волосы были убраны в низкую кичку, а тонкие запястья украшало большое количество браслетов, и в своих смуглых руках она держала сверток, перевязанный лентой, и букет розовых пионов.

– Лиля, какая же ты стала красивая! – проговорила Джемма, вставая с кровати, чтобы обнять подругу. – Тебе замужество явно пошло на пользу.

– Мадам Надин сказала, что ты сегодня должна приехать, и я все утро выглядывала машину, хотела встретиться с тобой раньше других.

– Я так рада нашей встрече! Рассказывай скорее, как ты живешь, как дочка, и, самое главное, объясни, почему ты вышла замуж за Льва? Ты же так любила Макарова!

– Ой, Джемма, за одну минуту этого не рассказать. Приходи лучше к нам на ужин, там поговорим, посмотришь, как мы живем. Я переехала к мужу и все переделала на свой вкус. Мадам Надин отдала мне кое-какую мебель из гостевого домика и подарила на свадьбу швейную машинку, я теперь шью платья и принесла тебе одно в подарок, – протягивая сверток Джемме, тараторила Лиля.

– А пионы тоже мне? – спросила Джемма, дотрагиваясь до хрупких, источающих аромат летнего сада цветов.

– Нет, что ты! – отдергивая руку с букетом и меняясь в лице, закричала Лиля. – Это для похорон, три дня назад убили

Андрея Дижэ прямо в висячем саду мадам Надин! Разве ты не поэтому приехала?

– Нет, – побледнев, ответила Джемма и, почувствовав тяжесть в ногах, села на стул, взволнованно прижимая руки к груди. Она вдруг поняла, чей голос звучал в сообщении: голос, который заставил ее проделать весь этот путь и снова вернуться в Долину, принадлежал именно Андрею Дижэ.

2. Висячие сады мадам Надин

Висячие сады Семирамиды в Вавилоне были построены при царе Навуходоносоре II. В 614 г. до н. э. он заключил мир с мидийцами и женился на их принцессе Амитис. Выросшая в горах, полных зелени, она с ужасом восприняла пыльный и каменный Вавилон. Чтобы доказать свою любовь и утешить жену, царь приказал начать строительство грандиозного дворца с террасами для деревьев и цветов. Так в Вавилоне появилось чудо света – Висячие сады.

***

Над всем поселком Персиковая Долина витал дух древнего Вавилона, были здесь и свои Висячие сады. Считалось, что мадам Надин, как и принцесса Амитис, устроила эти сады в память о зеленом гористом городке, в котором провела несколько счастливых десятилетий своей жизни. Вот только никто из жителей Долины не обратил внимания на маленькую несостыковку: по слухам, Надин приехала из Пуатье, а там не было гор. Но это никак не помешало мадам разбить в Персиковой Долине висячий сад, который мог по праву соперничать с чудом света из древнего Вавилона.

Само по себе предложение Надин организовать этот сад

на пустыре, где раньше пасли коров, а впоследствии и вовсе сделали свалку, уже походило на сказку, но чем более фантастической казалась задача, тем на удивление больше союзников у мадам появлялось.

Имея приличный капитал неизвестного происхождения, Надин собрала бригаду из жителей поселка, закупила стройматериалы и систему полива с мощными насосами, и за три весенних месяца на месте свалки выросло четырехэтажное сооружение, похожее на дворец. Только вместо стен у него были просторные террасы, каждая высотой семь метров. Плы засыпали толстым слоем грунта, в него высадили диковинные деревья, редкие кустарники и цветы, в центре соорудили водопад, идентичный вавилонскому, из ступеней бледно-розового цвета, по которым вода струилась с самого верхнего этажа, образуя внизу пруд, населенный золотыми рыбками.

В назначенный день весь поселок собрался на торжественное открытие висячих садов, когда неожиданно появилась агроном Катарина с огромным кактусом в руках. Она с гордостью заявила, что этот большой шарообразный эхинопсис цветет единственный день в году. Услышав об этом, мадам Надин пришло в голову провозгласить этот кактус королем цветов Долины и ежегодно устраивать в честь его цветения праздник. И сегодня был именно такой день, когда кактус на одни сутки выпускал огромный белый цветок на длинной ножке – потрясающее зрелище, стоящее долгого ожидания.

В этот день в Долине ежегодно устаивали конкурс букетов и выбирали лучшего садовода, но только не сегодня.

Сегодня в Долине как никогда было тихо и печально, в такие минуты Джемма любила приходить на берег моря. Но и на берегу сейчас было безлюдно. Жители поселка собрались в часовне на кладбище, чтобы проводить в последний путь Джемминого друга, а она пришла сюда. Думать о смерти на море легко. На море вообще все легче: и дышать, и терять, и восставать из пепла или из пены. Кажется, вот сделаешь еще шаг – и волна унесет вместе с мелкими камушками твою боль и смоеет все твои грехи, наверное, поэтому люди из шумных пыльных городов так стремятся уехать на море хотя бы на недельку.

У подножия утеса, к которому пришла Джемма, находилась обмельчавшая часть соленого озера, открывавшая полосу песчаного пляжа. Раньше это было любимое место отдыха жителей Долины, но два года назад, в первую неделю марта здесь затеяли дноуглубительные работы, прорыли канал для выхода в открытое море, соорудили пирс, и берег начал заполняться моторными лодками, баркасами, крошечными яхтами. Была среди них одна парусная яхта, белоснежная красавица, царица немногочисленной флотилии Персиковой Долины. Принадлежала она двадцатисемилетнему парню, который появился в поселке в компании инженеров и багермейстеров, но по окончании работ из Долины не уехал, а купил себе дом на окраине и, как всякий чужак,

вызывал жгучий интерес всего населения поселка. По мнению старожилков, плохо влиял на молодежь и подрывал местные устои.

Джемма, погруженная в свои мысли, поднялась на новенький пирс, ветер раздувал ее белоснежное платье в мелкий голубой цветочек. Она сняла резинку с волос, позволяя прохладным потокам воздуха безжалостно трепать светлые пряди, затем спустила с плеча палантин, взяла его в одну руку, заставляя развеваться как парус, когда заметила рядом парус настоящий. Белоснежная яхта причаливала. Джемме отчего-то казалось, что она одна не только на пляже, но и на всей земле и вдруг эту безмолвную пустоту, как ножницами ленту, разрежала эта яхта-красавица.

Джемма застыла, будто была уверена, что это необитаемый корабль-призрак, рожденный ее фантазиями, но внезапно на палубе показался молодой человек. Юноша на яхте был очень даже жив и притягателен. Его обнаженный торс переливался бронзовым блеском в лучах палящего солнца, а черная бандана на голове возбуждала в памяти истории о пиратах. Он стоял к девушке спиной, укладывая грот вдоль гика, и она не могла оторвать взгляд от его мускулистого загорелого тела, сильных рук и умелых точных движений.

В какой-то момент Джемме стало неловко, что она вот так жадно пожирает глазами незнакомца, и она хотела незаметно вернуться на берег, но только сделала первый шаг, как вдруг молодой человек обернулся, и девушка разочарованно ахнула. Этим парнем был не кто иной, как ее утренний знакомый Глеб, и тут же его образ перестал быть таким романтичным и притягательным. А молодой человек, увидев симпатичную девушку, быстрым движением стянул бандану и, делая вид, что не обратил внимания на присутствие незнакомки, направился к кормовой части судна. Но не успел он сделать и пары шагов, как заметил, что палантин, который девушка держала в руке, вырвался и легкой вуалью понесся в море. Глеб, ни секунды не колеблясь, перегнулся через борт яхты и умелым движением ловца жемчуга с какого-нибудь архипелага Туамоту бросился в воду. Спустя пару минут, оставляя мокрые следы на деревянном пирсе, Глеб вразвалочку,

приглаживая мокрые волосы, подошел к девушке, протянул палантин, превратившийся в крошечный комочек ткани, и со смехом проговорил:

– Вот, слегка намочился, не успел поймать в воздухе.

Джемма в ответ тоже улыбнулась, но только уголками рта, оставляя при этом глаза все такими же грустными.

– Не стоило так волноваться.

– Мне было не сложно, – ответил молодой человек, рассчитывавший на слова благодарности. – А что ты здесь одна бродишь, да еще с таким печальным видом?

– Все мои знакомые сейчас провожают в последний путь одного очень хорошего человека, а я не смогла пойти туда. Хочу, чтобы он остался в моей памяти живым.

– Да, я слышал об этом жутком происшествии. Чудо-вишняя история для такого милого на первый взгляд поселка, – сказав это, Глеб расположился на краю горячего деревянного пирса и жестом пригласил девушку присесть рядом. Джемма не стала отказываться, ей сейчас хотелось с кем-то разделить свои переживания, а, как известно, открыть душу незнакомцу бывает проще, чем близкому другу.

Глеб же, потирая мокрые ресницы, пытался рассмотреть черты лица девушки. Ее шикарные волосы цвета белого песка, закрывающие густой пеленой плечи, привлекли его внимание еще на яхте, а теперь он с наслаждением заглядывал в большие голубые глаза девушки. «Нет, они даже не голубые, а синие, как море, и такие же глубокие», – промелькнула в

его голове мысль, и тут он заметил знакомую трещинку на ее нижней губе.

– Постой, а я тебя знаю! Это же ты меня сегодня подвозила к поселку, только утром ты была...

– Что замолчал? Договаривай, какой я была? – гордо вскинув голову и глядя на парня в упор, спросила Джемма.

– Ну, скажем, там, на дороге ты мне показалась взбалмошной и сердитой.

– А что же сейчас изменилось? Ведь я все тот же человек.

– Наверное, дело в ситуации и одежде. Это нежное платье, распушенные волосы и берег моря...

– О, да, я вижу, ты романтик, – хмыкнув, произнесла Джемма, жалея, что платье, подаренное ей Лилей, единственное такого рода в ее гардеробе.

«Если мне предстоит вскружить голову этому парню, то придется сменить стиль и быть позагадочней», – подумала девушка и тут же потупила взор, медленно провела рукой по своим блестящим волосам и спросила абсолютно серьезно:

– Зачем вы купили себе яхту, Глеб?

Глеб ожидал какого угодно вопроса, но только не этого. Девушка задала его так, словно вопрошала: «Зачем вы живете, Глеб? Зачем мы все вообще живем?»

– Хороший вопрос. Наверное, я купил ее, чтобы иметь возможность сбежать, – сказал он немного грустно.

– А насколько неприлично будет для второй встречи спросить, от чего же вы бежите?

– Очень неприлично, – сказал он, улыбаясь, и прикрыл рукой глаза от слепящего солнца, чтобы лучше ее видеть. – Той девушке в кабриолете я бы ни за что не сказал, а тебе, пожалуй, скажу: я, как и все, хочу сбежать от прошлого.

Джемма не стала давить, она чувствовала, что разговор принял правильное русло, и сейчас Глеб может сказать что-то полезное для Надин, но юноша казался таким уязвимым и искренним, что Джемма отвела взгляд и задумчиво произнесла:

– Возьмите меня с собой в следующий раз.

– Можем выйти в море прямо сейчас! – воодушевленно ответил Глеб, уже готовый ринуться к яхте.

– Нет, не сегодня, я лучше пойду, – проронила вполголоса девушка, собирая с гладких теплых досок быстро высохший на солнце тонкий шифоновый палантин.

Она поспешно встала и начала спускаться с пирса на берег, но Глеб задержал ее, дотронувшись до руки, и, не сумев скрыть огорчение, произнес:

– Может, скажешь хотя бы свое имя?

– Меня зовут Джемма, – поднимая светлые длинные ресницы, проговорила с придыханием девушка и протянула ему тонкую бледную руку.

Глеб обеими руками сжал в своих ладонях ее пальцы, чувствуя, как в этот миг его накрыло волной блаженства. А девушка, высвободив руку и ступая босыми ногами на мелкий, почти белый песок, направилась в сторону поселка.

– Джемма, постой, – догнал ее юноша и, преграждая путь, начал запальчиво объяснять: – Я насчет твоего друга хотел сказать: у меня есть подозрения, кто мог его убить. Помнишь, я говорил тебе про мадам Дроу? Так вот, он работал на нее, и его тело нашли в висячем саду, который как раз принадлежит этой ведьме. Думаю, без ее участия здесь не обошлось.

Джемма потеряла дар речи от столь ужасающего заявления и, ничего не ответив, быстро пошла прочь. Так, в полном смятении, в растрепанных чувствах она сама не заметила, как добрела до того самого сада, который с легкой руки мадам Надин в Долине называли «висячим».

Джемма поднялась по широкой лестнице на террасу второго этажа. В саду не было ни души, зловеще шептались кроны деревьев, холодными струями стекали воды могучего водопада, а вместо радостной шумной толпы и конкурса букетов ее встретила леденящая сердце тишина и полицейская лента, натянутая вокруг места убийства ее друга – Андрея Дижэ. Цветок же эхинопсиса, посмотреть на который всегда собиралась толпа, был кем-то безжалостно срезан, а на его месте зияла свежая, источающая прозрачный сок рана. Это зрелище показалось Джемме символично-торжественным и чудовищным одновременно. Зная, насколько жители Долины бережно относились к своим традициям, девушка не могла себе представить, кто мог решиться срезать знаменитый цветок, да еще и на месте преступления.

Проведя дрожащей рукой по красно-белой полицейской ленте, Джемма с замиранием сердца припомнила «Вавилонскую историю», написанную жрецом Бероссом о смерти Александра Македонского. В ней говорилось, что этот великий полководец и создатель мировой державы скончался в Вавилоне под сводами своего любимого парка, напоминавшего ему родную страну, в возрасте тридцати двух лет. Почувствовав близость своей смерти вечером 11 июня 323 года до н. э., Македонский попросил привести его в Висячий сад Семирамиды, давно поразивший его воображение, и смог, прощаясь с земной жизнью, вдохнуть запах цветущей азалии.

Джеммин друг Андрей Дижэ, в отличие от Александра Македонского, был простым смертным, но то, что он тоже погиб на территории подобного сада, делало его смерть еще более таинственной и знаковой. Девушка перевала взгляд на белоснежную каменную скамейку, на которой, по-видимому, обнаружили тело, и по спине прошелся холодок от волнения и страха. Она огляделась, силясь понять, как все могло выглядеть в момент убийства. Но в эту секунду послышался шорох в кустах чубушника. Джемма вздрогнула и увидела, как за кустами мелькнули чьи-то черно-желтые кроксы, и от страха ринулась обратно к ступенькам, пулей помчалась вниз, прочь из сада. Она бежала, часто дыша и постоянно оглядываясь, пока не оказалась на дороге и не убедилась, что никто за ней не гонится. Постепенно Джемма замедлила шаг,

еще несколько раз нервно обернулась и, мысленно отругав себя за трусость, побрела по знакомой улице. Это была улица Водопадная, в отличие от улицы Береговой, где все было белоснежным, здесь по замыслу комитета по благоустройству Долины все дома были выкрашены в оттенки голубого цвета. лазурный, небесно-голубой, цвет морской волны, бирюзы, аквамарина, а палисадники, соответственно, украшали гиацинты, голубые гортензии, африканские лилии и горные васильки. Вместе эти домики и цветники создавали иллюзию сухой реки или водопада и внушали такое умиротворение, что Джемма забыла о своих переживаниях и погрузилась в воспоминания. Девушка сама удивилась тому, как отчетливо помнила тот день, когда она познакомилась с Андреем Дижэ. Ей тогда было десять лет. Она была очаровательным сорванцом в юбке, бронзовый загар, который не смывался даже зимой, белоснежные косы, пропитанные морской солью и солнцем, два огромных синих блюда глаз, вечно ищущих приключений, и уверенный голос мадам Надин на заднем плане: «Джемма-Виктория, извольте сначала прочитать главу из истории Древнего мира и только потом отправляться гулять!» Она же в ответ фыркала, недовольно усаживалась на веранде с книгой в руках, а сама не сводила глаз с дороги, ожидая, когда кто-нибудь из друзей спасительно закричит у калитки:

– Джемма!

Однако в тот день она читала главу за главой, но никто не

приходил, не звал ее ни играть в мяч, ни кататься на роликах, ни стрелять из водных пистолетов. Солнце неумолимо перевалилось через гору, раскаляя Долину до предела, и как только за мадам Надин, отправляющейся на собрание почетных жителей, захлопнулась калитка, Джемма тут же отбросила книгу в сторону, вскочила со стула и помчалась к соседке Лиле. Лиля была хорошей девочкой, безвольной, покладистой и очень удобной для всех: ее многодетной матери, соседских бабушек, учителей в школе и будущего мужа, но тогда Лиле было всего десять лет, и ее называли просто «хорошей девочкой». Отпускали гулять Лилию очень редко, чаще она присматривала за младшими детьми или помогала в огороде и с грустью и интересом наблюдала через забор за играми сверстников. Несмотря на это, Лиля была в курсе всех последних событий и тут же сообщила Джемме, что мальчишки отправились на берег опробовать новые рыболовецкие снасти, которые купили главному заводу и первому забияке улицы – Коле Верескову, а девчонок с собой не взяли. Джемму этот факт вначале расстроил, но потом раззадорил. Поскольку она была не из тех, кто будет сидеть и грустить в углу из-за неудачи, то подговорила свою подружку проучить мальчишек, и они вместе отправились исправлять положение.

Имелась у девочек одна забавная книга, носившая гордое название: «Как покорить сердце мальчика?» Розовый красочный альбом, запирающийся на маленький игрушечный

замочек, хранил под своей пухлой обложкой тайное сокровенное знание: правила, как вести себя на первом свидании, примеры легких, но сногшибательных причесок и, самое главное, 10 советов, как покорить сердце мальчика, которые Лиля и Джемма заучили наизусть, и номером три в этом списке шел пункт: создать конкуренцию.

– Помнишь, Лиля, что написано в нашей книге про конкуренцию? Если мальчишки не захотели взять нас собой, значит, мы должны появиться с другими мальчишками, чтобы их проучить.

– А им не будет обидно? – спохватилась Лиля, усаживаясь на велосипед, как велела подруга.

– Конечно, будет, в этом и суть, – разъясняла Джемма, – поэтому мы отправляемся на Водопадную улицу.

– Ты что? Тут же живут заклятые враги наших мальчишек, – ужаснулась Лиля, резко тормозя у ярко-синего дома номер 13 по Водопадной улице.

– Вот именно! – проронила Джемма, потом шумно уронила свой велосипед так, чтобы с него слетела цепь, и, громко хохоча, начала пытаться пристроить ее обратно, когда впервые услышала голос Андрея Дижэ. Он перевесился через белоснежный забор своего дома, тряся объемной шевелюрой, со словами:

– Вы кто такие? У вас что, велик сломался?

Спустя минут пятнадцать девочки в окружении новой компании на велосипедах выехали на берег соленого озера,

где занятый рыбалкой Коля тут же злобно сверкнул глазами на мальчишек с соседней улицы, круживших вокруг его подружек. Он резко отшвырнул в сторону новенькую удочку и предложил соревноваться, кто дольше продержится под водой.

Мальчишки быстро сбросили с себя одежду, задорно подталкивая друг друга, выстроились в одну шеренгу на краю серого бетонного волнореза и, зажав пальцами носы, ждали команды.

– Раз, два, три! – прокричали девочки, и ребята одновременно «солдатиком» прыгнули в воду, разбрызгивая вокруг себя фонтаны прозрачной воды, сверкающей в лучах беспощадного солнца.

Девочки вслух считали секунды: сорок один, сорок два, сорок три. Мальчишки начали по очереди выныривать, прыскавая водой, встряхивая волосами, хватая воздух ртом, и только Андрея нигде не было видно. Джемма продолжала считать: шестьдесят восемь, шестьдесят девять, семьдесят. Ее голос становился все тише и тише, она начала ходить по волнорезу, сжимая руки в замок, предположив самое худшее, когда заметила, что с другой стороны высокого волнореза выглядывала темная голова ее нового друга. Их взгляды встретились, девочка подозрительно сузила глаза, но не выдала его.

– Все, мне надоело считать, и вообще, пора домой, тетя будет волноваться, – прокричала плавающим в воде маль-

чишкам Джемма и, схватив Лилю за руку, побежала по берегу, быстро перебирая худенькими загорелыми ножками.

– Как же это было давно, – разговаривая сама с собой, Джемма шла по пустой улице, думая о своем детстве, – Андрей всегда был такой находчивый, ловкий, мог обвести вокруг пальца кого угодно. Почему же не смог предугадать действия убийцы и зачем записал мне голосовое сообщение? Может быть, что-то этим хотел сказать, пытался предостеречь от чего-то?

Переступив порог дома, девушка направилась в свою комнату, не желая встречаться с тетей, но Надин выросла перед ней, как из-под земли.

– Джемма-Виктория, я не сажусь ужинать, жду тебя. У нас на ужин твоя любимая осетрина, – начала уверенно говорить дама, удерживая племянницу под локоть.

– А что, у тебя сегодня никого из гостей? Это на тебя не похоже, – проходя на террасу, где был уже накрыт стол, удивленно осведомилась девушка.

Надин ничего не ответила, она действительно любила шумные компании болтливых нарядных девиц, энергичных парней и все больше молодых. Вообще, чтобы нравиться Надин, человек должен был быть либо красив, либо остроумен. Казалось, ни на секунду она не желала оставаться одна. И здесь, за столом, на залитой светом электрических гирлянд и благоуханием цветущей герани веранде вершились судьбы жителей Долины. Здесь придумывались праздники и

конкурсы, заключались выгодные сделки и удачные браки. Дом мадам Надин был сердцем и душой поселка, отсюда она управляла своими магазинами, кафе и парком развлечений, руководила строительством консервного завода и работой в персиковых садах. Но сегодня по ее печальному лицу было понятно, что ей не до гостей. Племянница первый раз в жизни видела ее в черном одеянии, и хотя сарафан в пол из глянцевого креп-сатина был на тонких бретелях и оставлял оголенными слегка полноватые руки и большую часть спины дамы, но все равно цвет говорил сам за себя. Статная женщина с короткой стрижкой густых черных волос и темными бровями вразлет, казалось, была еще красивее в трауре, и только две белые крупные жемчужины в ушах и кольцо с перламутровыми вставками демонстрировали привычку Надин следить за своей внешностью в любой ситуации.

Осетрину Джемма на самом деле не любила, считала ее жирной, но отказаться не смогла. Она без аппетита проглотила несколько кусочков рыбы и приступила к вареникам с вишней. Положив на тарелку три штуки, полила их сметаной, сверху присыпала сахаром и, разрезав ножом один, с наслаждением смотрела, как темный вишневый сироп разливается по белой тарелке. Но Надин, заметив эту картину, вдруг прикрыла рукой глаза и всхлипнула:

– Не могу прийти в себя после похорон. Как такое могло произойти? Убийство в моем любимом саду! Так и стоит перед глазами лужа крови и бледненькое лицо Андрюши. Он

же за несколько часов до смерти привозил мне удобрения.

Джемма быстро бросила поверх вареников бумажную салфетку и встала из-за стола. Она обняла Надин, уговаривая успокоиться:

– Тетя, дорогая, тебе нужно забыть все, что видела. Андрею уже не поможешь, единственное, что сейчас важно, – чтобы как можно быстрее нашли убийцу!

– Убийцу?! – резко повернувшись к племяннице, выпалила Надин. – Ты даже не можешь себе представить, кого они подозревают! Андрея убили ножом Петра Ивановича.

– Такого старенького скульптора?

– Вовсе он не старенький, просто поседел рано, – недовольно пробубнила женщина, а потом промокнула салфеткой совершенно сухие глаза и ровным тоном добавила: – Ладно, я разберусь с этим. Давай спокойно поедим.

В этот момент Джемма увидела в вазочке на столе срезанный цветок эхинопсиса из висячего сада.

– Так это ты срезала цветок? Но зачем? Я была в саду и так удивилась.

– Никто не соизволил сегодня прийти на праздник цветов, так что никакого им эхинопсиса. Пусть теперь ждут следующего года, когда он снова зацветет. Бьюсь об заклад, что это Глеб устроил убийство в моем саду, он на все пойдет, лишь бы испортить мою репутацию.

– Думаю, ты преувеличиваешь. Это уж слишком! – возразила Джемма.

– Да? А почему тогда парнишку убили именно в моем саду, а не в его глупом интернет-кафе, к примеру?

– Потому что в саду ночью тихо и темно, к тому же я сегодня заметила там нечто странное: кто-то прятался в кустах рядом со скамейкой, возможно, это был убийца, они ведь всегда возвращаются на место преступления. И на нем были черно-желтые кроксы. Знаешь, у кого такие есть?

– Желтые кроксы? Откуда мне знать? Да и ты выбрось эту ерунду из головы, перестань строить из себя мисс Марпл и займись уже наконец тем, ради чего приехала: Глеб должен покинуть Долину, избавь меня от заклятого врага!

– Брось, тетя, мы же не на войне.

– Именно на ней, но выиграет эту войну не самый сильный или смелый, а самый дальновидный. Пока мальчишка играет с моим бизнесом и репутацией, я сыграю с его маленьким сердечком, – состроив ехидную гримасу и пристально глядя на Джемму, заявила Надин.

Джемма потеряла рукой лицо, «умопомрачительный» план тети не внушал ей ни радости, ни желания, но она не нашлась что возразить и лишь молча сделала пару глотков воды из розового стакана с двойным дном.

– Что-то мне начала надоедать затянувшаяся тоска, терпеть не могу эти печальные вздохи и грустные глаза. Хочешь, я приглашу Николая, чтобы он вкрутил нам лампочки в уличные фонарики? Раньше тебя это так радовало, да и он брался за эту работу с большим удовольствием, – дама начала заго-

ворщически улыбаться и в конце даже подмигнула Джемме, чем вызвала у нее на лице еле заметный румянец.

– Ну, во-первых, у нас в фонарях горят все лампочки, а во-вторых, у тебя столько работников, что такая просьба вызовет у него подозрение.

– Ну и что, зато он узнает, что ты приехала, встретитесь.

– Ой, тетя, думаю, что Коля Вересков и так знает о моем приезде. Но видеться после всего, что было, я с ним не хочу, он, видимо, со мной тоже.

– Глупости, первая любовь не забывается.

Но договорить дамам не удалось. У Надин зазвонил телефон, и человек на том конце провода так взволнованно начал тараторить в трубку, что она не смогла вставить ни единого слова, а когда разговор был закончен, Надин перевела встревоженный взгляд на племянницу и, выпучив глаза, сообщила:

– Мардука украли, постамент совершенно пуст!

3. Мардук

Бог Мардук был покровителем города Вавилона. Он управлял движением Солнца и давал людям пищу. Считали Мардука также богом мудрости. Он умел врачевать и обладал большой заклинательной силой. Вавилоняне верили, что Мардук уберезет их от бед и напастей, вселит в их умы истину и в исключительных случаях даже сможет воскресить мертвых. В Персиковой Долине бог Мардук изображался в образе павлина. Его скульптура находилась на главной площади.

***

В шесть тридцать утра каждый день, независимо от времени года и дня недели, Глеб отправлялся на пробежку в легком тренировочном костюме и кроссовках на гибкой подошве со вставками из прочной резины для уменьшения нагрузки на колени. К этой утренней тренировке его приучил отец с раннего детства, и несмотря на то что Глеб считал его деспотом и тираном, от этого утреннего ритуала не отказался, ведь привычка хуже крошек в постели: сколько ни вытряхивай, все равно что-то да останется. Этот стройный, поджарый и очень собранный юноша вырос в семье военного. Мать – тихая скромная домохозяйка – в воспитании сына участия не принимала, разве только иногда украдкой от мужа могла приласкать вечно наказанного за малейшее непослуша-

ние малыша. Отец Глеба мечтал стать летчиком, но отучился только на бортиженера, и, хотя являлся членом летного экипажа, сесть за штурвал и подняться в небо ему не было суждено. Эти неосуществимые мечты не давали ему покоя, а когда в их семье родился сын, мужчина, естественно, решил, что теперь летчиком должен стать он. С первых дней жизни Глеба отец занимался закаливанием ребенка, физическим воспитанием и обучением. Мальчик не мог сделать шага в сторону от написанного отцом режима, который, как дамоклов меч, страшил его, примагниченный к холодильнику на кухне. Но как ни старался несостоявшийся летчик сделать из Глеба богатыря, мальчик рос болезненным, хилым и больше походил на хрупкую девочку, этого мужчина вынести не мог.

У Глеба навсегда остался в памяти момент, с которого начался отсчет дней его лютой ненависти к бездушному учителю, называвшему себя отцом. Жили они в то время на севере страны в небольшом военном городке на берегу полноводной реки. Раньше она была судоходной, но со временем эту транспортную артерию заменило отличное шоссе, и ее берега заросли камышами и осокой, а зимой на поверхности образовывался прочный лед, припорошенный сероватым снегом. Глебу было семь лет, только закончились зимние каникулы, и маленький первоклассник с трудом просыпался по утрам, чтобы успеть до школы выполнить все пункты из списка отца, которые тот писал в тетради и клал

на тонкий подоконник кухонного окна. Но в то утро Глеба разбудила непонятная возня и голос матери за стеной. Что она говорила, было непонятно, но, когда она заплакала, умоляя о чем-то мужа, мальчик сел в кровати и насторожился. Крошечная комната с вытянутым окном у самого потолка – спальня родителей – была местом, куда ему строго-настрого запрещалось входить, но чувствительный мальчик так разволновался за мать, что готов был пренебречь правилами и ринуться на спасение единственного дорогого ему человека. Как вдруг дверь отворилась и на пороге в свете низкого проема появилась внушительная фигура отца, а следом женщины с выбившимися из косы волосами, она засовывала руки в рукава своего скромного пальто и причитала, пытаясь подавить вырывающиеся из груди рыдания:

– Рома, завтра девятнадцатое, давай завтра, как все, прошу тебя, Ромочка.

– Вот еще, будете завтра меня позорить перед людьми, точно так же распустите юни, – злобно бросил мужчина и, накинув на Глеба колючий плед, подхватил его как пушинку на руки и потащил на улицу.

На небе только начал заниматься рассвет, совершенно безлюдная улица показалась мальчику чужой и грозной. Крепкий мороз сковал босые ноги, торчащие из-под небрежно накинутого покрывала. Бежавшая позади мать в распахнутом пальто рыдала уже навзрыд, и Глеб понял, что сейчас должно произойти что-то ужасное, и тоже громко заплакал:

– Папочка, куда ты меня несешь, что ты хочешь со мной сделать?! Прости меня, пожалуйста, я буду слушаться тебя, – лепетал мальчик, не понимая, в чем он мог провиниться. – Куда ты меня несешь, папочка?

Мужчина, не обращая внимания на мольбы жены и слезы сына, широко шагал, свернув к лесу, иногда даже переходил на бег, и только когда они вышли к недавно выстроенному мостку, ведущему к проруби для купания в Крещенский сочельник, Глеб с ужасом осознал, что сейчас будет. Он вытаращил глаза, вцепился худенькими пальцами в полы отцовской куртки и начал истошно орать:

– Отпусти меня, не надо, не надо, отпусти!

К его крику присоединилась мать, умоляя подождать до завтра:

– Ромочка, завтра его Бог защитит, положено окунаться девятнадцатого, на Крещение, а сейчас прямо из постельки не выживет Глебушка, заболит, простудится... – Она хватала мужа за руки, тянула на себя сына. Но когда в ее тираде послышались слова «Он такой слабенький», мужчина резко оттолкнул жену и быстро окунул Глеба в прорубь, придавив рукой с такой силой, что тот с головой ушел под воду.

Мальчик перестал сопротивляться, его замерзшее тело уже ничего не чувствовало, он поднял голову на свет, еле пробивавшийся через толщу воды, и наблюдал, как пузырьки выдыхаемого им воздуха медленно поднимаются вверх, потом заметил свои руки с растопыренными пальцами и чер-

ную большую пуговицу, которую оторвал от куртки отца, все это, как в странном сне, медленно плыло перед глазами. Ему стало вдруг так легко и безразлично, что показалось, он уже умер, и тела нет, а только душа парит в мягком желе бескрайней вселенной. Как вдруг чья-то огромная рука схватила его за волосы и потащила из воды.

Спустя годы повзрослевший юноша, получив образование в сфере IT, поселился в Персиковой Долине, подальше от родителей, но его ненависть к отцу не прошла, а переросла в более глобальное чувство, оно выражалось в отрицании всего, что делали люди возраста его папы. Его раздражало то, что старое поколение старалось навязать молодежи свои ценности, заставляло чтить память их героев, восторгаться непонятными подвигами. Ему были чужды любые традиции, его тяготило всякое назидание, а если кто-то говорил ему, что нужно делать, он тут же чувствовал, словно огромная рука опускает его в ледяную воду, и начинал отчаянно сопротивляться. Глеб не мог понять, что дело тут совсем не в борьбе поколений, а в том, что в нем говорила детская травма и банальная обида. Он, ведомый своими комплексами, жаждал мести и был готов крушить все старые устои, сбросить с руководящих должностей престарелых толстосумов. Его целью было построить общество молодых и энергичных людей, лишенных предрассудков прошлого, полностью пропитанное инновационными технологиями и прогрессивными идеями. И когда случайно попал в Персиковую Долину,

то понял, что этот поселок, отделенный от суетного мира с одной стороны горным хребтом, а с другой морем, почти построил что-то, напоминающее утопическое общество, поэтому был отличным плацдармом, чтобы осуществить его мечту – сбросить с постаментов старых богов и создать город будущего.

Сегодняшним утром Глеб, как и обычно, бежал трусцой по тротуару вдоль ровно подстриженной зеленой изгороди и не мог без раздражения слышать звук газонокосилки, который доносился то с одной, то с другой стороны. Его доводили до исступления буйно цветущие клумбы с удушающим ароматом лилий, женщины с плетеными корзинами, собирающие поспевшую черешню, по-соседски переговаривающиеся друг с другом, словно добрые подруги. А стоящий на лестнице крепкий седовласый мужчина, подкрашивающий и без того идеальные наличники окон, вовсе заставил Глеба сердито скривиться. Он мечтал, что эти улицы заполнят роботы, вытеснив тем самым ручной труд, он представлял себе стеклянные купола над павильонами виртуальной реальности, что еду будут доставлять дроны.

«Чего они все суетятся вокруг своих бесполезных цветов? – пронеслись мысли в голове молодого человека. – Кому нужны эти газоны? Лучше бы в то время, что они тратят на их стрижку, совершили виртуальное путешествие на Марс». Глеб не хотел быть похожим на этих людей и все время старался продемонстрировать, что не желает жить по их

законам, а если учесть, что его улица называлась Звездная, и по законам Долины ее жители могли иметь только красные крыши домов и высаживать у себя во дворе цветы красных оттенков и никаких других, такое ущемление прав для Глеба было выше всякого здравого смысла, и он не собирался с этим мириться. Поэтому, когда у его дома буйно зацвел ярко-красный олеандр, он схватил ржавый секатор, доставшийся ему от бывших хозяев, срезал все до единого соцветия и уже на следующий день заменил этот куст на белую колерованную сирень. К счастью, его дом находился на окраине, и этого вопиющего безобразия никто из комитета по благоустройству так и не заметил.

Ежедневный маршрут для утренней пробежки у Глеба почти никогда не менялся. Он бежал до начала своей улицы, стараясь не задеть по пути еще не до конца проснувшихся павлинов, вальяжно переходящих от одной лужайки к другой, а потом продолжал свой путь по пляжу и обратно. Каждое утро в Долине всегда было одинаково, размеренно, идеально настолько, что раздражало. Даже солнце слепило так ярко и так постоянно и за все дни пребывания юноши в Долине только пару раз не показывало себя в назойливой красе, что Глебу начало казаться, и оно в сговоре с мадам Надин.

Богом солнца, конечно, мадам Надин не управляла, но многое действительно было в ее власти. К примеру, сейчас, когда Глеб еще стягивал с себя мокрую футболку и направлялся в душ, чтобы вскоре начать свой день, Надин, надев

строгий, насколько это возможно в жаркое время года, брючный костюм, уже давно сидела за громоздким письменным столом, пахнущим полиролью, в своем кабинете. А напротив на высоких стульях с подлокотниками расположились два человека, служившие под ее началом уже много лет. Высокий худой мужчина сорока пяти лет – шеф-повар ресторана, сегодня он принес на утверждение Надин летнее меню и список вин, подобранных им для новых горячих блюд. Рядом с ним сидел начальник строительства, затеянного еще с осени, консервного завода со сметами на оборудование для очистки переработанной воды.

Неожиданно послышался стук в дверь, и мадам Надин вздрогнула, что было ей крайне несвойственно. В комнату энергично вошла круглолицая, краснощекая, излишне суетящаяся женщина, она начала громко, немного шепеляво докладывать Надин:

– Мы потеряем весь урожай. Я вызвала бригады для сборки уже на сегодня, мадам Надин, давайте передоговариваться с рефрижераторами.

Надин блуждающим взглядом скользила по ее лицу, будто не слышала сказанных слов. Потому что все ее сознание поглотили воспоминания о том, как три дня назад ночью в дверь ее дома так же настойчиво и тревожно постучал мужчина, которого она любила и который ей не принадлежал. И теперь этот мужчина был арестован. Сосредоточенность Надин на внутренних переживаниях была такой силы, что она

не ощущала боли от остро заточенного карандаша, который вжимала в свою ладонь, и только когда грифель проколол кожу, дама дернулась и заерзала на стуле, незаметно для всех стирая каплю крови.

– Надин, так начинаем сегодня снимать ранние персики или нет? – услышала дама неприятный голос своей служащей.

– Почему я должна за тебя думать и решать? Может, мне еще самой отправиться в сад на сбор урожая?! – прикрикнула Надин. – Зачем, по-твоему, я тебя наняла? Ты должна быть всегда на шаг впереди проблемы и иметь запасные рефрижераторы.

Несмотря на то что книга Дэниела Гоулмана «Лидерство, которое приносит результаты» не была настольной у мадам Надин, она подсознательно чувствовала, что, когда назревал кризис, стиль руководства должен быть командным. В такие минуты она требовала беспрекословного подчинения, и в ее глазах читался лозунг: «Делай что я говорю!»

Мадам Надин была из тех людей, рядом с которыми чувствуешь себя персоналом, даже если просто заглянул на чай. Непререкаемый тон, взгляд, пригвождавший к полу, уверенная походка. Надин была работоспособна, никогда не теряла самообладания, настойчива и владела мощным даром убеждения.

Дела Долины были ее жизнью, смыслом ее существования, и, как всякий лидер с неограниченной властью, в ка-

кой-то момент Надин стала считать себя практически мессией, а заботы об этих землях и людях – высшим предназначением.

Притом что у мадам Надин не было собственных детей, можно было подумать, что Джемма – ее слабость, но у Надин не было слабостей. Скорее племянница была для нее неким сосудом чрезмерности, в который она выливала и всю свою нерастраченную любовь, и все стремление поучать, присутствующее ей, как отголосок оставленной некогда профессии. Поэтому Джемма могла бы охарактеризовать время, проведенное с тетушкой Надин, как своеобразный коктейль из вседозволенности и угнетения.

Вот и сегодня, зайдя в комнату Джеммы ближе к полудню и обнаружив девушку еще в постели, мадам Надин сначала сказала, что в ее доме она может валяться в кровати хоть целый день, но, увидев пижаму племянницы, состоящую из майки цвета хаки и шортиков защитной расцветки, закричала не своим голосом:

– Это что за камуфляж, Джемма-Виктория? Неудивительно, что твой Альфонсо скрылся в неведомом направлении, если ты встречала его так! Мне и самой охота бежать сломя голову прочь от такого безобразия.

– Брось, тетя, это удобно и вполне мило, – подходя к шкафу, тихо ответила Джемма.

– Худшее оправдание, которое я когда-либо слышала! Запомни: ты для мужчины подарок, деточка, а подарок должен

быть достойно упакован. Вот деньги, немедленно отправляйся в город и купи себе шелковую сорочку в пол черного цвета, белоснежную комбинацию беби-долл и кружевное красное нижнее белье. А после зайди в бутик «Магнолия», там я отложила для тебя два великолепных платья для сегодняшнего бала, можешь выбрать любое из них, – закончила свою тираду Надин, кладя на прикроватную тумбочку племянницы увесистую стопку денег.

– Наличные? – удивилась девушка, спокойно усаживаясь за туалетный столик, будто это было единственным, с чем она была не согласна в приказах тети. – Я уже пару лет не держала в руках бумажных денег.

– Я запрещаю в Долине пользоваться картами, и здесь нет банкоматов, так что привыкай.

– Но почему? Это ведь так удобно и современно.

– Эту глупую мысль тебе внушили банки и государство, которые хотят пользоваться твоими деньгами и держать твои доходы под контролем. Здесь, в Долине, этому не бывать. Заблокируют твою карту или банально отключат электричество – вот и конец свободе, никто тебе и кусочка хлеба не продаст, а у тетушки Надин всегда есть при себе наличность. А если эти бумажки обесценятся, то в сейфе найдутся и золотые монеты, и слитки, и драгоценные камушки на худой конец. Случись что, я всегда могу надеть свои колечки и уплыть на лодке куда глаза глядят – вот истинная свобода, Джемма. Но сейчас разговор не об этом, главное – это Глеб.

Сегодня он будет на балу, и тебе нужно его соблазнить, – вдруг проговорила Надин, припоминая, зачем пришла.

– А с чего ты взяла, что Глеб придет на бал невест? Он же тебя ненавидит!

– Николая не будет в Долине, и поэтому его место в жюри конкурса я предложила Глебу, разве он мог отказаться? Он же мечтает подорвать мой авторитет и всем здесь заправлять, следовательно, ему нужны союзники, а на балу будет весь цвет общества Персиковой Долины.

– И ты не боишься, что он и вправду кого-нибудь переманит на свою сторону?

– Ты что, забыла? Я ничего не боюсь! – ответила ледяным тоном мадам Надин, направляясь к выходу.

– Постой, может, вместе махнем по магазинам, как раньше? Помнишь, ты всегда помогала мне выбирать наряды? А потом пойдем кормить чаек на набережную, – мечтательно закатывая глаза, предложила Джемма.

– Не могу, ты же знаешь, что для нашего поселка значит Мардук, это символ удачи и процветания. Люди уже начали роптать, говорят, что одной бедой теперь не обойдется. Я должна организовать поиски пропавшей статуи и успокоить жителей Долины.

– А по-моему, эту проблему легко решить. Пусть твой драгоценный Петр Иванович слепит нового Мардука. Честно говоря, этот был так себе, да еще эта куча яиц у его ног вообще всегда вызывала у меня недоумение. Разве мог пав-

лин снести такие большие яйца?

– Господи, Джемма, как тебе могло прийти такое в голову?! Мардук охранял не яйца, а персики, это же очевидно, – проговорила Надин, немного выходя из себя и краснея, будто от смехотворности Джемминого заявления, но причина ее злости крылась в упоминании имени арестованного скульптора, переживания о судьбе которого новой волной накатили на даму.

А Джемма, не замечая тетиного беспокойства, приснула со смеху оттого, что все детство заблуждалась относительно яиц Мардука.

Мадам Надин обычно передвигалась по поселку, умело управляя дорогим автомобилем, она вообще давно привыкла полагаться в своей жизни только на себя, и вождение не было исключением. Несмотря на то что среди ее служащих был водитель, сесть и покатиться по идеальным дорогам Долины, чувствуя власть над железной машиной, которая повинуется любому нажатию педали или движению руля, было для нее истинным наслаждением. Но сегодня Надин решила пройтись пешком, ей хотелось лично посмотреть, как настроены люди, что они обсуждают, чем заняты. Правда, особых наблюдений провести не удалось. По пути ей почти никто не встретился, а солнце, успевшее довольно высоко подняться над Долиной, сделало прогулку весьма утомительной. Но все же, выйдя на главную площадь поселка с причудливым фонтаном в центре, Надин, несмотря на жару, по-

шла по кругу, любуясь достопримечательностями. Вначале ее взору открылся семейный ресторан «Зиккурат», как и вавилонские зиккураты, здание было квадратным в плане, имело несколько ярусов и плоскую крышу. Рядом с «Зиккуратом» находилось здание местной библиотеки, смотревшее на гостей и жителей Долины огромными глазницами стеклянных окон. Следом располагалось уютное кафе с милой террасой под белым шатром, отделенное от площади вазонами, засаженными разноцветной петунией. В кафе обычно проходили детские праздники и посиделки в полуденную жару с прохладным лимонадом или персиковой водой – личным изобретением мадам Надин. Кафе тоже принадлежало ей.

Как дань любимому дамой Вавилону, начиная от ресторана «Зиккурат» по фасадам всех зданий площади тянулся фриз из лазурных изразцов с изображением золотых животных. Немного выступая из стен, плавно шагали, подняв вверх хвосты, лисы, на здании библиотеки расположилась вереница дельфинов, по строгому фасаду банка гордо шествовали могучие быки, превращая всю площадь в своеобразную торжественную процессию, сходящуюся у постамента, на котором уже несколько десятилетий возвышалась статуя бронзового павлина – Мардука, прекрасного покровителя города, расправившего грандиозный хвост, одна из лап же его венчала горку персиков.

Дама оглянулась, чтобы посмотреть, как реагируют люди на отсутствие Мардука, но не успела оценить обстановку, как

вдруг ее внимание привлекло помещение рядом с почтой. В нем Надин планировала открыть детский магазин, но все не могла договориться с хозяином о покупке этой недвижимости. И тут вдруг глаза ее расширились, отказываясь верить увиденному: фасад постройки был перекрашен, прекрасный ряд стройного зооморфного орнамента беспощадно сорван, вместо него сияла красная неоновая вывеска «Море мяса», а внутри шли ремонтные работы.

– Кто посмел?! – закричала в сердцах Надин, кровь прилила к ее щекам так, что могло показаться, будто она только что сделала маску из садовой клубники. Казалось, еще секунда – и она ринется в это кафе, выгонит прочь рабочих и сорвет вопиющую вывеску, установленную без ее разрешения. Но она оставалась на месте, краска постепенно отхлынула от ее лица, дыхание выровнялось, и глаза больше не были округленными. Так, постепенно приходя в себя, Надин пристально глядела на «Море мяса», потом по ее лицу скользнула жутковатая улыбка, и она уверенной походкой как ни в чем не бывало направилась в библиотеку, где в большом читальном зале ее ожидали представители от каждой улицы, чтобы разработать план по поиску Мардука.

Когда Надин открыла дверь просторного зала, гул голосов десятков одновременно говорящих людей напоминал пчелиный рой. Она недовольно покачала головой и прошла в самую гущу толпы.

– О, мадам Надин, как хорошо, что вы пришли, а то у

нас тут спор вышел, – обратился к ней молодой мужчина – управляющий продуктовым магазином Долины. – Тут такое дело, понимаете ли, парень со Звездной предложил установить на площади камеры наблюдения. Это бы решило все наши проблемы, никто не посмел бы тогда покушаться на нашего Мардука.

Надин насторожилась, она обвела взглядом людей, которые притихли, ожидая ее реакции, присела на единственный свободный стул и как бы невзначай спросила:

– А что это за парень такой умный?

– Ну, как там его, Глеб, что ли, тот, что собирается открыть ресторан быстрого питания на площади, рядом с вашим кафе. Он, наверное, и камеры из-за этого хочет устанавливать.

Надин не сдержалась и закашлялась от неожиданности. «Этот мелкий гаденыш мало того что мутит воду в сельском совете, выбивая разрешение на строительство яхт-клуба, так еще решил устроить фастфуд в Долине, и где? На центральной площади, рядом с моим “Зиккуратом”!» Пока эти мысли, как раздражающая муха, крутились где-то на задворках ее сознания, дама с совершенно невозмутимым выражением лица произнесла уверенно и громко, так, чтобы быть услышанной во всех уголках просторного зала:

– Неужели вы согласитесь быть под вечным наблюдением каких-то камер слежения? Это же лишит нас права на неприкосновенность частной жизни, отберет у нас возможности

хранить личные и семейные тайны.

Дальше дама постаралась использовать побольше непонятных юридических терминов, чтобы посеять в умы людей сомнение в решении, которое они буквально минуту назад были готовы принять с уверенностью, что действуют на благо поселка. Она пообещала лично выплачивать зарплату сторожу, только бы не дать Глебу вмешаться в привычную жизнь Персиковой Долины и, еще хуже, повисить его авторитет в глазах сограждан. Но Надин уже приготовила для Глеба «подарок», поэтому сейчас была не просто спокойна, а даже довольна собой, и губы ее подернула зловещая улыбка.

***

Джемма, услышав от тети, что ее первая любовь – Коля Вересков, точнее Николая – не вернулся в Долину с виноградников, сначала подумала, что эта новость не имеет к ней никакого отношения, потом поймала себя на мысли, что огорчилась. Беспокойство, воодушевление и трепет в груди, сопровождавшие ее все время пребывания в доме Надин, куда-то улетучились, ведь теперь, шагая по улице, она не замирала от волнения, одновременно боясь и надеясь в каждом прохожем мужчине узнать Николая. Поэтому она вышла на улицу только для того, чтобы прогуляться до дома Лили и наконец обсудить с ней послание от Андрея. Снаружи дул ужасный ветер, назойливый спутник жителей прибреж-

ных городков. Джемма почувствовала, как очередной порыв словно сахарной пудрой присыпал ее с головы до ног песком с дорожки. Она сначала стерла его со своего лица, затем несколько раз кашлянула и начала отряхивать песок с ног, кроссовок, потом с белоснежной футболки. И вдруг внезапно увидела себя: двадцатичетырехлетняя молодая женщина, пересекающая страну в побеге от любовной неудачи, она стояла посреди улицы образцового порядка в поселке, который больше походил на декорации к съемкам фильма «Отчаянные домохозяйки». Она смотрела на себя как из зрительного зала, какова здесь была ее роль? Маленькой глупышки под управлением властной тетки, сталкера, идущего по следу бывшего любовника, которого так и не смогла забыть за все эти годы и, пожалуй, была бы готова броситься не только в Долину, но и на край света, чтобы еще раз посмотреть в эти его цвета океана глаза, или она просто неудачница, которая никогда не достигает желаемого? Место на факультете древностей в Сорбонне Джемма так и не получила, как не получила в свое время столь желанное предложение от Николая, и даже таинственная запись, приведшая ее в этот кукольный мир, оказалось, принадлежала мертвому парню, который теперь никогда не сможет объяснить, что он хотел ей сказать.

Неизвестно, как далеко бы завело Джемму самобичевание, если бы на дороге она не заметила Лилию. Девушка шла ей навстречу, катя впереди себя летнюю коляску с годовалой дочерью.

– Гуляете? – приветствуя Лилю поцелуем и с умилением разглядывая девочку, спросила Джемма.

– Ага, сегодня припозднились, солнце уже высоко.

– Какая хорошенькая крошка, – потрепав малышку по щеке, проговорила Джемма и, посмотрев на молодую мать, добавила: – Она очень на тебя похожа.

– А мне кажется, что на отца, – рассеянно проронила Лиля и не нашлась что добавить.

Девушки какое-то время шли молча, долгая разлука, несовпадение жизненных ценностей, стремлений и идеалов огромной пропастью лежали между подругами. И чтобы преодолеть эту неловкость, Джемма хотела заговорить о чем-нибудь непринужденном, а в таких случаях лучше всего работают воспоминания.

– Помнишь посиделки в «Гнезде», то есть в VIP-зале тетиного ресторана? Я часто вспоминаю нашу компанию: тебя, Руслана, Николая. Не видела ребят сто лет, расскажи, как у них дела.

– Даже не знаю, что тебе рассказать, все вечно заняты работой. У Максима устричная ферма, мы с мужем там часто бываем. Руслан – так он врачом работает у нас в амбулатории, все его уважают, отличный специалист, очень мне с дочкой помогает, я ему даже среди ночи позвонить могу, если у малышки температура. А вот Андрею не повезло, – опустив глаза, проговорила Лиля и запнулась.

– Да, не повезло так не повезло, – тяжело вздохнув, сказа-

ла Джемма и почувствовала, как горло сдавило от волнения и глаза наполнились слезами. – До сих пор не верится, что кто-то мог его убить. Но есть еще одна странность: за несколько дней до смерти он прислал мне голосовое сообщение.

– Любовное? – вытаращив глаза, прошептала Лиля.

– Нет, конечно! У нас с ним никогда ничего не было.

– А что тогда там было? Он просил о помощи, ему кто-то угрожал?

– Не знаю, сообщение такое запутанное, я пока еще не разобралась, о чем оно. Удивляет даже то, что он решил со мной связаться, мы не общались с ним с того самого несчастного дня рождения, когда мне исполнилось двадцать.

– Да, я помню, мы отмечали его в ресторане на скале.

– Удивительно, что я тогда с этой скалы не сбросилась, мне до сих пор стыдно, – закатывая глаза, простонала Джемма.

– Брось, четыре года прошло, все уже давно об этом забыли.

– Забыли? О том, как я устроила двойной праздник в честь своего дня рождения и нашей с Николя помолвки, на который он так и не пришел? Мне до сих пор кажется, что у меня это на лбу написано. Я после этого ни разу не праздновала свой день рождения и не говорила ни с кем из тех, кто был тогда приглашен. И вот четыре года спустя Андрей вдруг прислал мне это сообщение, а потом его убили. Ума не приложу, что мне теперь делать.

– А может, он хотел попроситься или предвидел что-то, – тяжело вздыхая, сказала Лиля почти шепотом и жестом показала Джемме, что девочка в коляске уснула.

– Единственное, что я поняла, – он хотел, чтобы я вернулась в Долину.

– Тебе стоит поговорить с его матерью, вдруг она что-то знает, – предложила Лиля.

– Я так и сделаю, ты умница, Лиля. Но сегодня бал, а завтра обязательно зайду к ней.

***

«Казалось бы, ну что такое бал? Просто сборище разодетых дам и господ, которые облачились в чуть более длинные и блестящие, чем обычно, платья и надели более увесистые грозди украшений, не став никем другим по сравнению с теми, кого я видел утром в магазине, на пляже и в сельском совете», – думал Глеб, плавно подъезжая на своем джипе к центральной площади. Несмотря на то что это был «всего лишь бал», Глеб был гладко выбрит, надушен, облачен в смокинг, а на сиденье рядом с ним лежала золотая маска волка. Он был уверен, что мадам Надин пригласила его в жюри не просто так. Зная его ненависть к традициям Долины, она, по его мнению, предполагала, что Глеб нарушит все правила дресс-кода и норм поведения, выставит себя в дурном свете перед элитой Долины, навсегда заработает репутацию чу-

дака и наконец перестанет угрожать Надин своими сомнительными идеями. Но, конечно, Глеб не собирался дать Надин такую возможность. Он выглядел не просто по правилам, а безукоризненно: белоснежные манжеты оттеняли загорелую кожу сильных рук, золотые запонки поблескивали в свете вечерних фонарей, уложенные мягкой волной кудри эффектно обрамляли худощавое строгое лицо. Если бы кто-то увидел его сейчас со стороны: как он поправлял бабочку, как излишне часто поглядывал на свое отражение в зеркале заднего вида, то подумал бы, что Глеб собой любовался. Сам бы Глеб себе в этом точно никогда не признался, как и в том, что был взволован, полон предвкушения и рад быть здесь, как и каждый, кого пригласили, ведь это же был бал!

Подъехав к главному входу ресторана «Зиккурат», у Глеба не оставалось сомнений, что жители Долины считали бал невест главным событием трехлетия, и даже смерть Андрея Дижэ не могла послужить достаточной причиной, чтобы его отменить. Площадь была украшена сотнями огней, а ряд факелов обозначал место центрального входа. Прекрасные белокурые ангелы на ходулях резвились, осыпая гостей лепестками роз и конфетти. Из зала уже доносились звуки приглашенного струнного оркестра.

Подготовка к балу начиналась за несколько месяцев, девушки от 18 до 20 лет из лучших семей Долины, подчиняясь жесткому церемониалу, готовились продемонстрировать обществу себя, свои таланты, наряды, навыки светского эти-

кета, превращая бал в своеобразный экзамен. По правилам, головы новоиспеченных невест украшали цветочные венки, а мужчины Долины скрывали свои лица под золотыми масками зверей не случайно. Ведь в кульминационный момент праздника, когда лучшая, по мнению жюри, конкурсантка объявлялась царицей цветов, начинался благотворительный аукцион, в ходе которого мужчины предлагали значительные суммы за ужин с победительницей.

Свидание это традиционно проходило на следующий день в этом же ресторане и собирало за соседние столики не меньше зевак, чем масштабный фейерверк или появление знаменитости.

Глеб мечтал насаждать свои идеи, но особого внимания к своей персоне не любил, а быть в центре многолюдной толпы его и вовсе тяготило, поэтому, потянувшись к маске, он поймал себя на мысли, что это сейчас для него был самый желанный аксессуар. Он вспомнил, как ему принесли атласную голубую коробку с пригласительным, двумя пирожными в виде цветов магнолии и золотой маской волка. Все в этом поселке приводило Глеба в замешательство и заставляло отчаянно сопротивляться, но, сам того не замечая, он боролся с устоями вокруг как с зыбучими песками, которые лишь больше затягивали его.

Ко входу одна за другой подъезжали машины, из них выходили разодетые, как франты, мужчины в золотых масках, они подавали руки дамам в пышных платьях с оголенны-

ми плечами, глубокими декольте, украшенными массивными драгоценностями, поскольку этот бал, как и всякое светское мероприятие, был поводом не столько показать умения вальсировать, сколько продемонстрировать свой достаток. Глеб еще раз взглянул на себя в узкое зеркало заднего вида, потом быстрым движением надел на лицо маску, решительно открыл дверцу автомобиля и зашагал к центральному входу, мечтая как можно скорее слиться с толпой. Но он ошибался, надеясь, что его появление в зале останется незамеченным. Несмотря на то что лицо его было скрыто, казалось, что все только его и ждали: как только чужак – Глеб – переступил порог «Зиккурата», толпа раздвинулась, как воды Красного моря от движения руки Моисея, и несколько сотен пар глаз, как по команде, уставились на него. Юноше показалось, что даже музыканты на секунду затихли. На самом же деле все вокруг замерли, потому что на балу появилась мадам Надин. Она шла навстречу Глебу по этому людскому коридору, застывшему в ожидании, прогонит Надин иноземца или позволит ему остаться. Потому что бал без грандиозного скандала, по мнению толпы, был лишь пустой тратой времени.

Надин в свою очередь шла очень медленно, так медленно и так значительно, что волнение в юноше уже начало переходить в панику. Он чувствовал себя ни больше ни меньше опальным декабристом на встрече с императором. Мадам Дроу действительно сегодня напоминала королевскую особу в красном бархатном платье со шлейфом и диадемой в вы-

сокой прическе. Когда наконец Надин приблизилась к своему юному противнику, то холодная надменность на ее лице внезапно сменилась на благодушную улыбку удовольствия, которая бывает только при встрече старых друзей.

– Добро пожаловать на ваш первый бал невест! – громко, так, чтобы расслышали все в зале, сказала Надин, и толпа выдохнула, то ли с облегчением, то ли с разочарованием. Потом дама наклонилась и вполголоса произнесла, не убирая довольной улыбки со своих губ: – Я человек откровенный, Глеб, и вы мне не нравитесь. Но сегодня вы мой гость, так что забудем на время наши разногласия и выпьем шампанского, – мелодичным тоном пропела Надин, пристально взглядываясь в глаза юноши под маской волка, а потом в сторону уже громко и повелительно добавила: – Шампанского! Шампанского!

***

Джемма, поняв, что Николая на балу не будет, решила в выборе платья руководствоваться предпочтениями Глеба, который при последней встрече явно демонстрировал, что романтические особы ему по душе. Поэтому она на свой страх и риск отложила в сторону платья, подобранные для нее Надин, и остановилась на нежно-голубом облаке из фатина. Подол платья доходил до самого пола, образуя вокруг ног пышную пену, рукава были полупрозрачными и объем-

ными. И сейчас Джемма плыла по залу, утопая в нежности фатина, чувствуя себя прекрасной принцессой, она отводила в сторону руку, любуясь тем, как ее стройные запястья просвечивали через тонкую воздушную ткань, но, как только зазвучали первые аккорды полонеза, ее увлекла волна воспоминаний. Ее собственный бал невест, когда она была конкурсанткой, с тех пор прошло, наверное, лет шесть, она как будто до сих пор ощущала, как пахли цветки жасмина в ее венке, и помнила, как Николая пытался сорвать с нее этот венок, но Надин пришила его к волосам Джеммы нитками. Несмотря на то что прошло шесть лет, Джемма могла воспроизвести в памяти каждую мелочь. Они с Николаем были одни в ее спальне, и Джемма думала, что это будет самая романтическая ночь в ее жизни. Свет от настольной лампы слабо освещал угол изящной тумбочки и часть кровати, застеленной розовым жаккардовым покрывалом. На это покрывало сначала упал черный пиджак смокинга, потом бархатная бабочка Николая, следом полупрозрачное болеро Джеммы, украшенное мелкими камушками. Она была уверена, что они будут вместе всегда, Ник и его крошка Джемма, как две хорошенькие фигурки из музыкальной шкатулки, которую ей подарили на Рождество, или попугайчики-неразлучники, которые умерли вместе, а мама сказала, что они просто улетели в теплые края. Кто внушил ей тогда эти романтические фантазии про единственную на свете любовь и спутника, которого почувствуешь сердцем? Может, сказки или мультфиль-

мы, а может быть, все-таки мама, неудивительно, что она не общалась с прагматичной и приземленной Надин. А может быть, это все внушил ей сам Николая.

– Ты моя единственная любовь, – сказал он тогда, медленно опуская бретельки ее шелкового платья. Он аккуратно взял ее за подбородок, прикоснулся к губам, а она не двигалась и не дышала, замерла, наслаждаясь каждым его движением, потом Ник прикоснулся к ее волосам и попытался снять злополучный венок. Он дернул его, Джемма закричала: «Ай!»

Ник засмеялся.

– Ты что, пришила его нитками к голове?

В тот момент Джемма хотела провалиться сквозь землю, никогда еще ей не было так стыдно, ей казалось, что она разрушила самый интимный момент их любви. Но сейчас Джемма шла по залитому светом залу, где много лет назад они с Николая вальсировали, улыбалась, вспоминая, как Ник бережно доставал цветки жасмина из ее волос, и понимала, что та ночь все-таки стала самым романтичным ее воспоминанием.

– Джемма-Виктория, что это ты напялила? – Мадам Надин возникла перед Джеммой как черт из табакерки. – Ты разве на детский утренник пришла? Что еще за самодеятельность? – злобно шипела Надин на ухо племяннице, стараясь сохранить как можно более невозмутимый вид. Но внутри у нее все кипело. Она не любила, когда кто-то нарушал ее планы.

– Не злись, вот увидишь, Глеб будет в восторге, – стараясь успокоить тетю, прошептала девушка.

– Сомневаюсь, ни на кого я не могу положиться, – скептически скривившись, ответила Надин. – Хорошо, что у меня всегда есть запасной план, – сказав это, Надин тут же отвернулась от племянницы, будто совсем потеряла к ней интерес, и гордо прошествовала прочь, к центру зала, где конкурсантки в белоснежных платьях и венках уже начали танцевать Персиковый вальс.

Стараясь всегда держать все под контролем, Надин практически никогда не расслаблялась и редко испытывала удовольствие, не говоря уже об умиротворении. Как и свойственно людям подобного склада, стресс и переживания были ее постоянными спутниками. Стоило ей разобраться с одним делом, в ее сознании, как исполины, вырастали новые тревоги об урожаях, работниках, благоустройстве, но и когда с глобальными задачами было все в порядке, назойливые маленькие несовершенства повсюду вылезали из неровно под-

стриженных кустов самшита, торчали недокрашенной балкой кровли, отколотым краем блюдца, не давая Надин ни на минуту расслабиться. Вот и сейчас, когда все в зале с восторгом и благоговением наблюдали, как дебютантки, подобные лесным феям, кружились, легко перебирая ножками, будто не весили ничего, мадам Надин недовольно поглядывала на конкурсантку под номером шесть, которая то и дело нарушала танцевальный рисунок, и готова была уже вытащить ее из круга, чтобы не портить картину, как вдруг кто-то дотронулся до ее плеча. Дама обернулась, и перед ее взором возникло лицо, заставившее на секунду побледнеть. Перед ней стояла жена Петра Ивановича, того самого скульптора, которого арестовали из-за смерти Андрея Дижэ.

– Надин, я понимаю, что не вовремя, но мне срочно нужно с вами поговорить.

– Да уж, точно сейчас не до разговоров, – недовольно скривив губы, произнесла Надин, но все же последовала за уже немолодой, траурно одетой женщиной, резко контрастирующей своим видом с изысканно наряженными дамами бала.

Женщины прошли в одно из хозяйственных помещений, расположенных рядом с большим залом, которое во время балов и масштабных праздников служило гримеркой, и Надин, понимая, о чем пойдет речь, предусмотрительно плотно прикрыла за собой дверь.

– Петр будет недоволен, если узнает, что я решила к вам

обратиться, но у нас нет выхода, ему нужен хороший адвокат, – начала женщина, она терла платком вспотевшие ладони, потом начала усиленно растирать лоб. На ее осунувшемся лице были заметны следы тяжелой бессонной ночи. – Вы не подумайте, у нас есть деньги, но где взять хорошего специалиста? Я в растерянности.

– Странно, я думала, что Петра Ивановича уже отпустили, считала его арест недоразумением, – изображая абсолютную неосведомленность в судьбе скульптора, бесстрастно произнесла Надин, указывая женщине на стул. – Вы садитесь и спокойно расскажите все, что вам известно.

– Так бы и случилось, если бы у Пети было подтвержденное алиби, но он всю ночь провел в мастерской, и никто не может это засвидетельствовать.

– Вы сказали в полиции, что он был в мастерской? – спросила отстраненно Надин.

– Ну да, я сказала все как было: вечером он собрал бумаги с эскизами, инструменты, отправился в мастерскую и так торопился, что забыл термос с чаем. Я хотела сходить к нему, отнести чай, но меня отвлек телефонный звонок, соседка, точно помню, она просила у меня рецепт гуляша...

Надин почти не слушала, что говорила жена Петра Ивановича, она размышляла, какое удивительно неприятное и тягостное чувство – знать о человеке тайны, которые он тебе не доверял, но еще более тяжелым для Надин было знать то, что эта женщина сама не знала о себе, то, что могло ее уни-

чтожить, раздавить. Дама на секунду представила себя доктором, который знает о страшном диагнозе пациента, но, в отличие от всякого врача, для которого объявить пациенту его участь неизбежно, Надин несла в себе тайну совсем другого рода и уж точно не собиралась ее озвучивать, а по возможности хотела унести с собой в могилу.

Женщина еще что-то говорила и говорила, периодически всхлипывала, винила себя, что так и не отнесла мужу чай, и снова говорила о готовке, о саде и о девятичасовых новостях.

Вдруг Надин будто очнулась ото сна, пристально посмотрела на женщину, стоящую перед ней, и впервые за весь их разговор как будто встревожилась.

– Вы сказали «новости»? – переспросила мадам Надин и начала мерить шагами комнату, что-то прикидывая в уме.

– Да, я же говорю, когда Петя ушел, как раз начались девятичасовые новости, я их никогда не пропускаю.

Надин плотно сжала губы, и ее глаза вдруг сделались совсем черными, она смотрела на жену скульптора так пристально и испепеляюще, что та вся съежилась, встала со стула и начала как-то неуверенно пятиться к двери, бормоча:

– Помогите ему, пожалуйста, вы ведь знаете, какой он благородный человек, он не способен ни на что плохое!

Женщина, конечно же, ожидала, что Надин, работавшая с ее мужем много лет, скажет: «Вы правы, Петр Иванович – кристальная душа!» Но Надин ответила единственное, что было правдой:

– Я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы Петр снова оказался на свободе.

Оставшись одна, Надин еще какое-то время стояла у окна, скрестив на груди руки, позабыв, что так может помять шикарное платье. Она погрузилась в воспоминания о той роковой ночи, которая унесла жизнь Андрея Дижэ и поставила с ног на голову все в Персиковой Долине. Несколько раз она задумчиво произнесла вслух: «Девятичасовые новости... Странно, ко мне Перт Иванович пришел только в одиннадцать... как все странно, ничего не понимаю...»

Джемма, потеряв из виду тетю, направилась к столику с жюри, но все мужчины были в масках, поэтому, смотрит ли на нее Глеб, было сложно понять, но она старалась не выпускать его из виду. Когда он наконец устало отложил в сторону свою маску, со скучающим видом наблюдая за предпоследним испытанием – демонстрацией талантов, – Джемма сразу начала действовать. Она медленно провела рукой по блестящим белокурым волнам волос и откинула их с плеч, открывая пленительную зону декольте, на мгновение томно прикрыла глаза и, еле заметно улыбнувшись только уголками губ, небрежно кивнула ему в приветствии, а потом сразу отвернулась, словно потеряв интерес к его особе. Наверное, за спиной Джеммы в этот момент прятался купидон со своими стрелами, потому что Глеб почувствовал какое-то странное волнение в груди, и во рту вдруг все пересохло, и уже был не в силах сопротивляться химической реакции, происходящей

в его организме. Эти, казалось бы, совсем простые движения девушки подействовали на него как сигнал, возбуждая сексуальное влечение. Желание почувствовать запах Джеммы, дотронуться до ее теплой гладкой кожи затмило все остальные потребности, и этим инстинктам было сложно противостоять. Глеб тут же забыл о своей роли судьи, встал и, словно мотылек, влекомый ярким светом обжигающего огня, в считанные секунды оказался рядом с Джеммой.

– Привет! – проговорил юноша, дотрагиваясь до ее руки, которая лежала на мраморной столешнице. Он пытался говорить небрежно и соорудить равнодушное выражение лица, но его частое дыхание и сладострастный блеск глаз выдавали внутреннюю борьбу.

Джемма моментально считала его волнение. Этот нервный румянец на лице, попытка незаметно облизнуть пересохшие губы, она видела, как он отводил взгляд, не смея посмотреть ей прямо в глаза, непривычная одежда сковывала его движения, и он потянул галстук-бабочку вниз, желая ослабить верхнюю пуговицу белоснежной, совершенно новой рубашки. Ей даже на какое-то мгновение стало казаться, что Глеб не такой уж и злодей, каким описывала его тетя.

– Да, я вижу, ты уважаемый человек в Долине, – начала Джемма, немного растягивая слова, намекая на приглашение в члены жюри. – А почему покинул свой судейский пост?

«Увидел тебя – и все остальное вдруг отступило на второй план», – хотел честно признаться Глеб, но, как это часто бы-

вает, испугался собственных чувств, неуверенный в возможной взаимности, поэтому вместо этих слов Джемма услышала в ответ:

– Мне просто нестерпимо захотелось выпить, вот решил взять бокальчик вина. Тебе принести?

– Не откажусь, – бросила девушка, наблюдая, как пожилые дамы, чопорно сидевшие в один ряд у стены, начали обсуждать ее безвкусный наряд, но тут вспомнила, что должна строить из себя нежную недотрогу перед Глебом, и уже более томным голосом продолжила: – Алкоголь я, конечно, не пью, только воду.

Глеб принес воду и расположился рядом с Джеммой, они шутили над умением одной из конкурсанток фехтовать и очень длинной поэмой собственного сочинения другой участницы бала. Молодой человек был абсолютно убежден, что Джемма полностью разделяет все его взгляды, поэтому, когда, вдруг встав и взяв микрофон, он начал говорить, то у него не было и тени сомнения, что она его поддержит.

– Думаю, незаслуженно был упущен один конкурс, – обратившись ко всем собравшимся, заявил он.

В зале поднялся вопросительный шепот.

– Девушки демонстрируют здесь свои таланты и красоту, а также кроткий нрав и благие намерения, но так ли они благодетельны на самом деле? Мы легко узнаем, устроив конкурс их социальных сетей, – сказав это, Глеб махнул рукой, и на экране начали мелькать профили конкурсанток в соц-

сетях, сплошь пестрящие пикантными фото в откровенных купальниках, нижнем белье, а также постами, прославляющими всяческие удовольствия. Увидев это, зрители ахнули, зашумели, а мадам Надин от негодования покраснела и бросилась собственным телом загораживать экран, пока ее помощники пробирались в аппаратную.

– Как ты мог так поступить? – ставя стакан с водой обратно на столик, обескураженно проронила Джемма.

– Что ты так всполошилась? Я всего лишь сделал конкурс более честным, – пожимая плечами, будто не понимая, о чем она говорит, ответил Глеб.

– Нет, просто тебе нравится все портить, ты получаешь от этого удовольствие. Я защищала тебя перед тетей, но теперь вижу: она была права, ты настоящий вандал!

– Твоей тетей? – переспросил Глеб, подозрительно прищурившись.

– Да, мадам Надин, ведьма, которая не дает тебе покоя, – моя тетя! Что? Я теперь тоже не кажусь тебе такой благодетельной, или как ты там сказал? Может быть, ты и мои голые фотки теперь разыщешь и всем покажешь?! – выпалила Джемма.

– Это твоя тетя устроила настоящий фарс и мракобесие, а виноват я? – весь пылая праведным гневом, не унимался Глеб.

– Да как ты смеешь?! Все это ради благотворительности, после аукциона победительница отдаст все деньги в местную

амбулаторию или детский сад, – в сердцах пыталась возразить Джемма.

– Благотворительность? Ты серьезно? То есть весь этот срам, напоминающий историю вавилонских блудниц, которые сидели у храма и ждали, какой мужик даст за них лучшую цену, ты называешь благим делом?

– Это просто ужин с победительницей, всего лишь беседа и еда, здесь нет ничего неприличного, а вавилонская блудница, да будет тебе известно, – это всего лишь одно из трех воплощений богини Иштар: мать, сестра и блудница! – выпалила она, пытаясь отстоять свою правоту.

Увидев, как Джемма расстроена, Глеб хотел прекратить этот бессмысленный спор, в какой-то момент ему показалось, что его собеседница либо расплачется, либо плеснет ему в лицо водой. Юноша замолчал, протянул руку, пытаясь прикосновением успокоить разъяренную девушку в нежно-голубом платье. Но было поздно, Джемма, сдержав в себе желание вlepить этому мнимому поборнику морали пощечину, уверенной походкой направилась к барной стойке. Ей изрядно надоело сегодня строить из себя благоразумную девицу и саму невинность, единственное, о чем она сейчас мечтала, – бокал каберне местного производства, но, как только Джемма обратилась к бармену, зазвучала мелодия последнего вальса перед объявлением победительницы, и не успела она опомниться, как пожилой мужчина в маске слона закружил ее в танце. Этот бесцеремонный партнер тяжело ступал

вразрез с музыкой, периодически задевая ее туфлю. Девушка чувствовала, как при каждом шаге колыхнется его солидное брюшко, как неуклюже он растопырявал ноги, а горячая потная рука сжимала ее тонкие пальцы так сильно, что через пару секунд Джемма перестала их чувствовать.

– Простите, барышня, я не мастер танцевать, но вы мне очень понравились, и я сожалею, что вы не участвуете в аукционе, я бы купил ваше свидание за любую цену.

Джемма, услышав эти слова, вспыхнула, замерла посреди зала и выдернула руку из цепких лап старого развратника, ей во что бы то ни стало хотелось доказать Глебу, этому престарелому ловеласу, всем в зале и в первую очередь самой себе, что старая традиция аукциона не подразумевала под собой никакой пошлости. Но как это было сделать?

Джемма снова направилась к бару, думая, что бы ей предпринять. Бармен, видя ее состояние, понимающе протянул бокал. Девушка сделала несколько больших глотков, и в груди зажгло, в ногах появилась слабость, она присела на барный стул, когда на сцене уже объявили победительницу. Кто была эта рыжеволосая, не по годам развитая девушка, Джемма не знала, но когда за свидание с ней поставили первую ставку, Джемма неожиданно для самой себя подняла руку и назвала цену больше, дальше было все как в тумане, ставки росли как на дрожжах. Все косились на Джемму, не понимая, что она делает и зачем перебивает ставки мужчин. Она же была убеждена, что своим жестом сможет доказать, что

свидание это не имеет ничего общего с похотью или покупкой состоятельным мужчиной расположения юной кокетки. Ставки достигли таких высот, что Джемма уже начала прикидывать в уме, какую сумму ей придется одолжить у Надин, чтобы покрыть такие расходы, но ведь была затронута честь Долины, так что скупиться не стоило, рассуждала девушка, делая один большой глоток вина за другим. Но в какой-то момент она почувствовала, что плавные, мягкие движения единственного оставшегося ее соперника показались ей знакомыми. «Не может быть!» – промелькнуло у нее в голове. На секунду она потеряла концентрацию и пропустила момент, когда ведущий аукциона произнес: «Три!», «Продано!» – и оглушительно ударил молотком. От этого звука Джемма вздрогнула и очнулась от мимолетного забытья, но было уже поздно: мужчина в маске льва победил. В зале все зааплодировали, а он снял маску, встряхнул светлыми волнистыми волосами и предстал перед всеми, яркий, теплый, как настоящий царь зверей. Сомнений не осталось, это действительно был Николя.

От неожиданности Джемма выпустила из рук бокал, и он с грохотом разбился о мраморный пол. Гости, все как один, повернули головы в сторону девушки с забрызганным вином подолом платья, а она, словно не замечая конфуза, хлопая ресницами, смущенно смотрела на Николя, державшего за руку победительницу бала.

Добравшись домой, Джемме невыносимо хотелось разры-

даться и сбежать из Долины как можно скорее. Такой стыд! Разве она так мечтала встретиться с Ником после долгой разлуки? Джемме хотелось, чтобы сейчас рядом оказалась тетя Надин, говорила ей слова утешения, гладила ее по голове, как в детстве, и заварила успокоительный малиновый чай. Девушка прошлась по непривычно пустой террасе, заглянула в гостиную, включив хрустальную люстру, но, не обнаружив там никого, распаляя в душе отчаяние, помчалась в тетину спальню, однако и там было пусто. Несчастливая, тяжело дыша, опустилась она на пушистый розовый ковер у кровати Надин и, обняв руками колени, начала себя жалеть, как вдруг заметила за комодом в углу странный предмет, завернутый в простыни. Джемма подошла ближе, провела по тонкому полотну рукой, пальцы ее задрожали, ноздри возбужденно затрепетали, и, не сдержав своего любопытства, девушка сдержала ткань.

– Мардук?! – громко вскрикнула Джемма, ошарашенная увиденным, и в этот момент почувствовала чье-то дыхание позади себя.

4. Соня

Персиковая Долина была небольшим ухоженным поселком, напоминающим сказочный городок, в котором каждый дворик и каждый дом были обласканы заботой жителей и неустанным вниманием комитета по благоустройству. Низенькие, аккуратно остриженные живые изгороди еле удерживали буйно цветущие палисадники и садики с фруктовыми деревьями. Умело выстроенные дома из ракушечника, а что побогаче – из инкерманского камня комфортно примостились под двускатными крышами, выкрашенными в цвета, соответствующие названиям улиц. Яркое южное солнце согревало всех без исключения обитателей Долины, даря надежду на счастье и благополучие.

Но горящие теплым светом окна чужих домов не всегда хранят веселую и беззаботную жизнь своих обитателей. Иногда за миленьким фасадом уютного дома происходят чудовищные события, и никто не догадывается, что приятные приветливые люди, переступив порог своего дома, могут превращаться в демонов и хранить в своем шкафу пугающие секреты. Фасад – это только упаковка, и она не всегда соответствует внутреннему содержанию. И когда на улице Береговой в огромном особняке мадам Надин Джемма, собираясь на бал невест, отполировывала свои светлые волосы специальным утюжком, напевая при этом песню из любви

мого кинофильма, а на улице Звездной Глеб искал в интернете алгоритм завязывания галстука-бабочки, на улице Садовой в доме под номером пять молоденькая повариха Соня вешала обратно в шкаф платье из розового гипюра, которое она вчера взяла напрокат для главного бала Персиковой Долины. На бал невест Соня, как и в прошлый раз, не попадет. И тому было несколько причин. Во-первых, ее муж Данила ужасно бы разозлился, если бы узнал, что Соня на этот бал даже собиралась, во-вторых, она обещала испечь к завтрашнему дню торт для заведующей детским садом, а в-третьих, когда она примеряла платье, в комнату вошла свекровь и начала расспрашивать о синяках на плечах и спине, которые Соня пыталась замаскировать тональным кремом. Но эта молодая женщина была не из тех, кто привык роптать на судьбу, жизнь научила ее не заикаться на проблемах, а стараться в любой ситуации видеть только позитивные моменты. Она захлопнула дверцу шкафа, глубоко вздохнула и улыбнулась своему отражению в зеркале. Заметив ямочки на своих пухлых розовых щеках, решила, что еще вполне привлекательна и к следующему балу сможет сохранить молодость и станцевать все-таки вальс в огромном зале ресторана «Зиккурат».

Соня была робким созданием, о котором никто никогда не говорил, эдаким безликим воробушком, ее не приглашали на вечеринки, пухлая дурнушка, на которую ни у кого никогда не было времени, непривлекательная, лишенная гра-

ции и стиля, двигалась она по жизни как невидимка. Детство, проведенное в интернате для детей-сирот, научило эту скромную девушку не ждать многого от жизни. Когда Соня закончила кулинарное училище, ее позвал замуж уже не молодой, но очень серьезный экспедитор Даниил Тушин, и девушка, не зная до этого, что такое семья, была благодарна. Как только Данила привез молодую жену в свой небольшой, но очень уютный дом с цветущим палисадником, она изо всех сил старалась соответствовать этой добропорядочной, как считали в Долине, семье.

Соня так хотела, чтобы ее дом был образцово-показательным, самым красивым и уютным, что сразу начала наводить красоту в их с мужем спальне на свой вкус. Пришивала кружевные оборки и рюши к покрывалу и шторам, подвязав последние мягкими атласными бантами, расставила везде хрустальные вазочки, подложив под них вывязанные крючком салфетки, окна украсила цветущей геранью и очень сожалела, что, по правилам Садовой улицы, в их палисадниках могли расти только розовые цветы. И хотя с первых дней пребывания в доме мужа Соня встретила недовольство и вечные придирки свекрови, привыкшая в интернате жить по строгим правилам, она быстро адаптировалась к новой жизни, усвоив определенные требования ворчливой женщины. Не очень симпатичная девушка старалась кротостью и услужливостью снискать любовь не только матери мужа, но и его самого, поскольку с первых дней их совместной жизни Даниил

был холоден, немногословен и властен. И как Соня ни старалась угодить членам своей первой в жизни семьи, их холодность к ней за три супружеских года сначала переросла в неприязнь, а в последнее время – в откровенную грубость.

Девушка стерла с губ помаду, собрала редкие каштановые волосы в хвост и, повязав передник, отправилась на небольшую, чисто прибранную кухню. Соня собиралась делать бисквит: уверенными движениями взбила яйца с сахаром, затем добавила просеянную муку, полученное жидкое тесто быстро переложила силиконовой лопаткой в круглый противень и отправила в духовку выпекаться. Затем принялась взбивать сливки, но вдруг замерла, оставила миксер и подошла к окну, приоткрыв льняную штору с набивкой в виде розовых пионов. Она решила выглянуть во двор и посмотреть на человека, который шел по аккуратно вымощенной дорожке через палисадник, утопающий в цветущих розах и гортензиях. Соня по неуверенным шагам мужа поняла, в каком он состоянии, и, отпрянув от окна, прижала руки к груди, выровнив посудное полотенце. По походке Данилы девушка сразу догадалась, что он пьян, а это не сулило ничего хорошего. Она постаралась унять дрожь в ногах и снова включила миксер, мысленно успокаивая себя, что все обойдется. Когда Соня была еще совсем крошкой, пожилая и очень добрая воспитательница детского дома, укладывая ее спать, однажды пообещала, что все в ее жизни обязательно сложится, и она будет самой счастливой во всем белом свете. Ма-

ленькая девочка навсегда запомнила эти слова, часто повторяла их как заклинание и со временем научилась надеяться на хорошее и верить, что впереди ее ждет только радость и благополучие. «Все будет хорошо, – твердила она, сжимая в руках миксер, – все будет хорошо».

Входная дверь глухо хлопнула, как будто крышка ее личного ада, этот звук последнее время для Сони был тревожным сигналом, приучившим ее обороняться, но Данила в кухню не зашел. Соня смотрела на сливки, неровными волнами расходившиеся от венчика, и ждала, когда они станут «в пики», это монотонное действие отвлекало ее от шума, доносившегося из гостиной. Голос свекрови, резкий и громкий, перемежался с грубыми короткими фразами Дани, и среди этой неразборчивой тирады слов до слуха девушки долетало ее имя, она съежилась и продолжила твердить уже вполголоса: «Все будет хорошо!» Соня подсыпала к сливкам ванильный сахар, щепотку высушенной лимонной цедры и хотела попробовать крем на вкус, как вдруг услышала позади шаги.

– А, вот ты где, а что же не на балу? – хрипло прошептал приближающийся к ней мощный, плотно сбитый мужчина, злобно раздувающий ноздри мясистого носа. Казалось, еще немного – и из них появятся языки пламени, как у трехголового чудовища. – Мать сказала, что ты собиралась на бал, видимо, возомнила себя принцессой! Так давай, что устави- лась, иди надевай платье.

Мужчина схватил Саню за руку и потащил в спальню, по пути выкрикивая нецензурные слова. Девушка не сопротивлялась, она пыталась уговорить мужа успокоиться и лечь спать, но он все больше и больше распалялся.

– Хотела идти – давай, мотай отсюда, напяливай свое платье и катись ко всем чертям.

Он подбежал к шкафу, схватил платье, напоминающее розовое бесформенное облако, и швырнул его вместе с вешалкой в Соню, расхохотавшись на весь дом:

– И ты хотела свое жирное тело затолкнуть в эту вещицу?! И сколько ты на него потратила?

– Даня, успокойся, я взяла платье напрокат, это совсем не дорого, завтра его верну. Ложись спать, пожалуйста.

Соня попыталась успокаивающе дотронуться до руки мужа, но тот в ответ начал срывать с нее домашний сарафан.

– Ну что же, если в прокате, тогда нужно его использовать. Надень, станцуй для мужа, чем я хуже богатых мужиков в масках из «Зиккурата»? Давай, порадуй муженька.

Данила с таким остервенением пытался снять с жены сарафан, что разорвал его в двух местах, оголяя светлую атласную кожу девушки, усеянную синяками и ссадинами. Соня прикрывала руками лицо и грудь, предвидя очередную порцию побоев. Но мужчина на какое-то мгновение замер, разглядывая стоящую перед ним девушку, а потом завопил что есть мочи:

– Я сказал одевайся, что оглохла?!

Соня пыталась дрожащими руками натянуть на себя платье из тонкого гипюра, которое, как назло, ей не поддавалось. Крючки, шелковый чехол, тонкие бретели – все скомкалось в кучу на влажном теле, не давая девушке быстро подчиниться требованиям мужа. И только спустя несколько минут, когда Соня наконец одернула кружевной подол и повернулась к Даниле, он скривил губы в злобной усмешке и начал медленно приближаться. Из-за его большого роста каждое его движение выглядело угрожающе зловеще. Подойдя к Соне вплотную, так, что она почувствовала запах паров выпитого им алкоголя, мужчина поднял ее раскрасневшееся лицо с растрепанными волосами за подбородок и процедил сквозь зубы:

– Зачем пожаловалась матери, что я тебя бью, зачем вообще открываешь свой поганый рот?

Соня в ответ молчала, она, конечно, могла оправдываться, говорить, что свекровь сама увидела следы побоев, но знала, что с мужем лучше не спорить, а когда он пьян, то и по-давно. Она дернула головой, чтобы высвободить лицо из его сильных рук, поскольку не могла больше испытывать на себе этот тяжелый пронзительный взгляд. Но мужчина ее не выпустил. Он одной рукой схватил ее за шею, а второй сжал двумя пальцами нижнюю губу и начал медленно тянуть ее вниз.

– Я разорву сейчас твой поганый рот, и ты больше никогда не сможешь жаловаться, никогда!

Соня не знала, что ей делать, как успокоить пьяного раздраженного мужа, волнение мелким ознобом пронизывало все тело. Она расширила до предела глаза и напряглась всем телом, ожидая, что он опомнится и оставит ее в покое, но мужчина не собирался останавливаться. Он презрительно прищурился, тяжело дышал, и по лицу блуждала улыбка наслаждения закоренелого садиста. А Соня чувствовала, как ее нижняя губа онемела под пальцами мучителя, потом резкая боль пронзила уголок рта с правой стороны, вырывая из груди пронзительный стон, и тут же по подбородку что-то потекло. Девушка не могла понять, это кровь или слюна, но когда через мгновения нестерпимо больно лопнула уздечка под нижними зубами, тогда она безошибочно определила хорошо знакомый металлический привкус крови во рту. Больше медлить было нельзя, еще немного – и Данила изувечит ее лицо навсегда. Смирение и покорность Сони рассыпались прахом, ее вечному терпению пришел конец. Дыхание участилось, словно перед прыжком, мускулы всего тела налились как свинцовые, и она с силой ударила коленом между ног мужа.

Дальше нужно было действовать максимально быстро, а поскольку за три года супружеской жизни Соня еще ни разу не пробовала дать отпор обидчику, то единственная мысль, как избежать расправы, пришедшая ей в голову, была бежать! Девушка подхватила в руки длинные юбки расстегнутого на спине вечернего платья и стремглав помчалась из до-

ма, по пути с грохотом опрокинув стул и слыша вдогонку душераздирающий, пронизывающий весь дом насквозь крик мужа.

Она что было сил мчалась по улице, освещенной яркими фонарями, нервы еле выдерживали чрезмерное напряжение, но Соне все же удалось побороть в себе желание закричать: «Помогите!» Поскольку в это время бал в ресторане «Зиккурат» подходил к своей кульминационной части, людей на своем пути она не встретила, но хорошо это или плохо, Соня не знала. Если Данила настигнет ее, то бить прилюдно не станет, в то же время выносить сор из избы она не хотела. Стоит одному человеку узнать, что она сбежала от побоев мужа, сплетен не оберешься.

Подруг у Сони в поселке не было, а если бы даже и были, то в таком виде она все равно не посмела бы к кому-нибудь заявиться. Поэтому единственное место, где она могла сейчас укрыться, была кухня детского сада, поварихой которого девушка была с первых дней появления в Персиковой Долине. Вход на кухню был отдельным, находился со стороны хоздвора, и Соня знала, что одна из кухонных работниц потеряла ключ, и ее сменщица прятала свой где-то на пороге у входа. Девушка, тяжело дыша, подбежала к двери, упав на колени от усталости и страха быть настигнутой, совсем забыла о том, что на ней чужое платье, и приступила к поискам. Она шарила руками под резиновым ковриком, уверенная, что ее муж через пару мгновений появится и схватит

ее за волосы, поэтому часто оглядывалась, сглатывая слюну вперемешку с кровью, перекинула урну, поискав ключ там, и, только порывшись в длинном кашпо на ступенях, обнаружила его среди цветов петунии. Соня дрожащими пальцами начала вставлять ключ в замочную скважину, чувствуя, как кровь из надорванной губы заливает ей шею и грудь, схватив подол платья, прижала его к ране и наконец смогла пройти в кухню, быстро замкнув за собой дверь. Как загнанный зверек, протиснулась повариха между двумя металлическими этажерками, заставленными кастрюлями, и, усевшись прямо на пол, замерла в ожидании, прислушиваясь к каждому шороху, с ужасом представляя, как Данила начнет выбивать дверь. Сердце неистово колотилось, тело била мелкая дрожь, казалось, еще немного – и она лишится чувств.

Но время шло, а на улице по-прежнему было тихо, ее муж так и не появился. Девушка вытянула босые ноги и в луче уличного фонаря, пробивавшемся через окно, обнаружила, что платье измазано грязью и кровью, рот горит адским огнем, с силой пульсирует распухшая нижняя губа, и она совсем не знает, что ей делать дальше. Страх, словно грозовая туча, окутал ее с головы до ног. Единственное, что она знала точно, так это то, что в дом мужа она не вернется ни при каких обстоятельствах. В ее семейной жизни сегодня поставлена жирная точка.

Соня еще долго сидела на холодном полу, чувствуя, что сил больше не осталось. Она, вялая и безжизненная, как

утопленница, блуждала отрешенным взглядом в полумраке, пытаясь найти выход и не дать отчаянью победить жажду жизни. И только когда взгляд упал на глубокую никелированную раковину, мысль о воде подняла ее на ноги. Она встала, стянула с себя ненавистное платье и, не включая свет, вымыла лицо под струей холодной воды. Затем достала из шкафчика униформу – белый поварской жакет на кнопках и темно-серые брюки с манжетами, отделанные по низу белым кантом, – и, посмотрев на босые ноги, пожалела, что летом не оставляла на работе сменной обуви. Скомкав в руках окровавленное платье, Соня огляделась вокруг, пытаясь найти место, где можно было бы его спрятать, но, так ничего и не придумав, засунула окровавленные кружева в старую кастрюлю для компота, которую они давно уже не использовали, и, прикрыв ее крышкой, облегченно вздохнула.

Электронные часы над духовкой, мигая красными цифрами, показывали двадцать два десять. До начала ее смены было еще восемь часов, и нужно было хоть немного поспать. Девушка приоткрыла дверь, ведущую в столовую, прислушалась, а потом, еле слышно ступая босыми ногами, прошла через обеденный зал и направилась в крыло, где располагались помещения детей старшей группы. Чтобы случайно не столкнуться со сторожем, Соня останавливалась в тени шкафов и стеллажей с игрушками, оглядывалась, напрягая слух до предела, и когда понимала, что вокруг все спокойно, походкой испуганного воришки пробиралась дальше. Ей хоте-

лось добраться до спальни и переночевать на детской кровати, но, увидев в игровой диван, она рухнула на него, как мертвая, и успела только подумать, что самое главное – не проспать, прошептав в полудреме: «Надеюсь, привычка меня не подведет», провалилась в сон.

Луч солнца ласкал Сонино лицо, пробуждая ото сна. Она приподняла ресницы, заметила стену, расписанную сказочными персонажами, и снова прикрыла глаза. Ей показалось, что сон перенес ее в далекое детство, в первый день пребывания в детском доме. Солнце, новые игрушки, красочные стены, и чужие тети шепчутся у нее за спиной, обсуждая чудовищную смерть родителей:

– Бедная девочка, мать с отцом попали в ад еще до смерти.

– Что вы говорите, как это возможно? – послышался голос молоденькой воспитательницы.

– Утром шли на работу и попали в яму с горячей смолой, так и не смогли выбраться, заживо сварились оба!

Соня резко села, хлопая карими, круглыми, как пуговицы, глазами. Никогда еще ее сознание не погружалось в такое забытие, что, проснувшись, она не могла понять, где находится и сколько времени. Единственное, что она чувствовала, так это ужас, который, оказывается, не покидал ее даже во сне.

Вокруг было светло и очень тихо. Часов у девушки не было, поэтому сориентироваться во времени она не смогла и со всех ног помчалась на кухню, надеясь, что не проспала и ей никто не встретится на пути. Въевшийся прямо под кожу

страх заставлял ее оглядываться по сторонам и, как закоренелую преступницу, шарахаться от любого звука. И, только добравшись до кухни, повариха с облегчением выдохнула, опускаясь на потертый табурет: красные цифры над духовкой показывали 05:30.

– Внутренние часики не подвели, слава Богу, – попыталась проговорить Соня вслух и тут почувствовала нестерпимую боль в области рта, которая вмиг вернула ее в события прошлого дня. Только сейчас она ощутила, как саднят ее сбитые пальцы ног и горит кожа под поварской курткой. Очень хотелось пить, но сделать даже пару глотков воды сейчас для нее было настоящей мукой.

Обычно, приходя на работу, повариха Соня заваривала свежий чай и делала бутерброд с маслом из белого ароматного хлеба. Этот незатейливый бутерброд был для нее лучше любого пирожного. Потому что единственным воспоминанием о ее дорогой мамочке был краткий миг, когда она мазала Соне на хлеб масло, потом улыбалась, протягивала аккуратный ломтик и что-то говорила, но что – девушка не помнила. Все детство, лежа в кровати, по ночам придумывала девочка все новые и новые фразы и вкладывала их в материнские уста.

На звук открывающейся двери Соня повернулась: на пороге появилась кухонная рабочая Мария, женщина лет сорока, вся обвешанная пакетами и сумками, подмышкой она держала новую разделочную доску, выструганную ее мужем.

– Привет, Сонь, – пристраивая сумки, проговорила Мария и, обернувшись на девушку, выпучила глаза. – Ты что, вырвала зуб?! Какой ужас, все лицо распухло! Может, тебе отпроситься у заведующей и отлежаться дома?

– О господи, заведующая! – вскрикнула Соня, всплеснув руками. Она вспомнила, что обещала сделать для заведующей торт на день рождения ее дочери. Это воспоминание огорошило ее, и девушка, позабыв обо всем, начала судорожно придумывать, как выйти из сложившейся ситуации.

– Маш, а ты мне можешь одолжить рублей пятьсот до зарплаты?

– Могу, а что случилось?

– Ничего.

– Просто ты раньше никогда не брала деньги взаймы.

– Раньше не брала, а сегодня мне очень нужно, – стараюсь принять равнодушный вид, проговорила девушка, приступив к приготовлению омлета.

– А почему ты босая? Плитка холодная, не боишься простудиться? Да и по технике безопасности не положено без обуви, – подозрительно рассматривая Соню, начала допрашивать ее женщина, высыпая в раковину овощи для супа.

– Случайно вышла из дома босой, а теперь уже поздно возвращаться за обувью, – отстраненно произнесла Соня, давая понять назойливой коллеге, что не собирается разглаживать тему. И Мария начала рассказывать, как тоже однажды удаляла зуб мудрости, так «и рот порвали ей, и

синячище был на пол-лица». Соня отстраненно кивала и даже была в глубине души благодарна Марии за отличную идею с вырванным зубом. Знай Соня, что такое мышечная память, она бы непременно поблагодарила и ее за то, что даже с разбитым вдребезги лицом и жизнью руки уверенно выполняли свою работу. Пышный омлет, румяные булочки, свекольник и биточки вышли на славу, как и всегда, пока в уме Соня твердила без устали: «Все будет хорошо! Все обязательно будет хорошо!»

Как только биточки были отправлены в духовку, Соня взяла у Марии деньги и помчалась в продуктовый магазин, она была уверена, что Данила на работе, но все равно с опаской смотрела по сторонам и передвигалась как можно быстрее. Забегав в магазин, Соня быстро закрыла за собой дверь и нервно осмотрелась. Продавщица Клара перебирала что-то за прилавком, лишь на секунду показалась из-за него своим густо накрашенным лицом и пробормотала:

– А, Соня, это ты.

Она продолжила переставлять какие-то ящики и, не глядя на девушку, произнесла:

– Что там у вас сегодня было? Дай угадаю, свекольник, по-ди, – простодушно улыбаясь, рассуждала продавщица. Это было своего рода их с Соней игрой: Клара пыталась угадать по запаху, который исходил от одежды поварихи, что сегодня она готовила на обед. – И буряк, похоже, был никудышный, – залезая на стремянку и сильнее приплюхиваясь, сказа-

ла Клара, потом она потянулась за каким-то пакетом с сахаром и с видом знатока заключила: – Дети, поди, такой есть и не станут.

Соня в это время прошмыгнула ближе к прилавку, заставленному коробками с печеньем, так, чтобы продавщица не заметила ее истерзанное лицо, и выпалила скороговоркой:

– Тетя Клара, дайте мне, пожалуйста, самый дешевый торт.

Клара от неожиданности даже пошатнулась, спускаясь со стремянки.

– Это зачем тебе, голуба моя, дрянной торт, если ты сама печешь, да еще такую вкуснотищу? – доставая из холодильника прозрачную коробку с невзрачным бисквитом, забеспокоилась продавщица.

– А это не для меня, это сторож Василий попросил сбегать к чаю что-то ему купить, – лепетала Соня первое, что пришло ей в голову, буквально вырывая из рук Клары заветную коробочку.

– Так зачем ему торт-то? Взяла бы лучше самсы! – кричала вдогонку девушке продавщица, но Соня уже скрылась за огромной стеклянной дверью, оставляя Клару в откровенном недоумении.

Вернувшись на работу, Соня счистила с торта ножом украшения и аккуратно подрезала бока, потом, когда, кухонная работница отправилась на обед, девушка сделала крем из вареного сгущенного молока и сливочного масла и, обма-

зав им магазинный торт, украсила спелой клубникой, чередуя ее с белыми лепестками безе, а бока коржей присыпала колотыми орехами. Тортик вышел не особенно изысканным, но вполне симпатичным, так что, когда Соня вручила его заведующей детским садом, та просияла от удовольствия.

– Ты, Софья Андреевна, настоящая рукодельница, не зря я послушалась твою свекровь и взяла тебя на работу, твои торты хоть на продажу выставляй.

Соня сконфузилась из-за своего обмана, она опустила глаза в пол и зарделась, прячась за плиту, чтобы начальница не заметила, что она без обуви.

– Я не уверена, что этот так же хорош, как остальные, новый рецепт в интернете отыскала, – продолжала врать девушка, убеждая себя в душе, что этот обман вынужденный и последний в ее жизни.

Но долго успокаивать свою совесть у нее было возможности, как только закрылась дверь за заведующей и Соня с облегчением вздохнула и принялась за тесто для булочек, за ее спиной раздался пронзительный крик. Девушка обернулась и выронила из рук сито. Ее коллега, бледная, как привидение, держала перед собой кастрюлю, из которой виднелось розовое гипюровое платье, изрядно испачканное кровью.

– Сонечка, у нас еще одно убийство, я же говорила, смертью Андрея не обойдется, это только начало. Вот еще девушку убили, а ее платье нам в кастрюлю засунули, – вне себя одновременно от ужаса и восторга от столь неординарного

события почти кричала Мария.

– Да с чего вы взяли, что кого-то убили? Это же просто платье.

– Платье в крови в кастрюле в детском саду, тебе не кажется это странным? Это все из-за Мардука, пока его не найдут, быть беде, – причитала Мария и, подцепив половником платье, начала с опаской вытягивать его из кастрюли.

– Зачем ты это делаешь? – раздраженно спросила Соня, отбирая у неугомонной женщины половник.

– Сейчас набежит полиция, и я не узнаю, какого оно фасона, даже подругам нечего будет рассказать, – с любопытством приглядываясь к кровавой находке, объясняла Маша.

– Какая еще полиция? – испугалась Соня, закрывая кастрюлю с платьем крышкой.

– Ясно какая, нужно обязательно о таком сообщить.

– Не надо полицию, это мое платье! – не сдерживая раздражение, прокричала Соня.

– Твое? – прикрывая рот рукой, вытаращив глаза, удивленно произнесла Мария, присев на край низкого столика для противней. – А зачем ты его сюда засунула?

– Оно из проката, нужно сегодня сдать, вот думала, постираю после работы, – начиная оправдываться, неуверенно лепетала Соня. – Прости, мне нужно булочки делать.

Но женщина не унималась, она забежала с другой стороны стола, чтобы лучше можно было разглядеть повариху, месившую тесто, желая узнать подробности этого странного про-

исшествия, но по насупленному лицу Сони поняла, что та не собирается продолжать разговор.

В четыре часа дня Соня наконец замкнула дверь кухни и вышла на улицу. Раньше после работы она всегда спешила домой, хотя каждый раз мечтала прогуляться по необычным улицам поселка. Поболтать с продавщицами мороженого и сладкой ваты, посмотреть, как играет детвора на детских площадках, как выгуливают породистых щенков в тенистом сквере у дороги и важно прохаживаются из стороны в сторону павлины. Она мечтала насладиться свободой, но очень боялась, что у входа в садик ее уже поджидает Данила. Перед глазами тут же появилось его разъяренное лицо, звериный оскал. Соня с ужасом представила, как он подкараулит ее на улице и потащит волоком в свой дом. Девушка решила, что хватать ее прилюдно Данила не будет, так что пестрая масса родителей и детей перед центральным входом детского сада показалась ей наиболее безопасной в эту секунду. Она шла быстро, стараясь улыбаться как можно непринужденнее, поздоровалась с несколькими мамочками, потрепала за щеки пару детишек, не теряя при этом бдительности и постоянно высматривая в толпе до боли знакомое лицо мужа. Даже сейчас, загнанная и измученная, она периодически останавливала свой взгляд на умильных малышах, которые бросались в объятия счастливых матерей, и сожалела, что не было у нее ребеночка. Соня всегда была одинока, и ей казалось, что с рождением ребенка наконец в мире у нее по-

завится родная душа и пустота внутри наполнится. Но сейчас Соня впервые поймала себя на мысли, что дай ей бог ребенка, как она мечтала, то ее побег был бы куда сложнее. Так, босая, испуганная, одинокая, но несломленная, тихо кралась по улицам Долины Соня к единственному месту, где точно не могло быть ее мужа, – к пляжу. Он никогда не бывал там сам, осуждал тех, кто нежился на солнце, за безделье и никогда не пускал туда Соню. Она же бредила и морем, и пляжем, мечтала найти там укромное место, растянуться на песке, не привлекая внимания окружающих, отдохнуть и придумать, как жить дальше. Первый вопрос, который особенно сейчас мучал Соню, – как идти через весь поселок в поварской куртке и где раздобыть обувь, пусть даже самую страшную и потрепанную? Снова заявиться на работу босой она не могла. До зарплаты оставалось девять дней, потом можно будет снять комнату у какой-нибудь сердобольной старушки, а сейчас придется спать в садике. Хорошо, что не нужно думать о еде, а то бы совсем было туго. У Сони, конечно, было немного денег прибережено в маленькой косметичке в ящике туалетного столика, но вернуться в дом мужа ее не заставили бы даже все сокровища мира, а банковские карточки в Долине были не в ходу.

Прикрываясь веткой сирени, сорванной по пути, Соня вышла на широкий песчаный берег и медленно побрела, загребая ногами разогретые солнцем песчинки. Людей было немного, в основном подростки и редкие приезжие, которые

раз в год навещали своих родственников, живущих в Долине, не столько ради них самих, сколько ради прекрасных персиковых садов, отличного местного вина и, конечно, ласкового моря. Соня направилась к утесу в надежде, что там она сможет отдохнуть или даже искупаться без свидетелей. Она прихватила пластиковый шезлонг, которые хаотично были расставлены по пляжу, и тащила его за собой, оставляя на песке глубокий след. По пути ей встретилась компания рыбаков, шумно обсуждающих улов, и парнишка с полотенцем на шее, сосредоточенно разговаривающий с кем-то по телефону. И только когда девушка подошла к глубокой выемке в стене утеса, то с облегчением констатировала, что здесь она совершенно одна. На море был полный штиль, ни малейшего дуновения ветерка, даже вечно любопытные чайки замерли по краю пирса, словно набитые опилками чучела.

– Как спокойно, – прошептала Соня, всматриваясь в чарующую морскую даль. Она была рада тишине, которая окружала ее со всех сторон. Эта тишина не была такой, как ночью на кухне детского сада, она была не тревожной, а могучей, но не подавляла, а несла покой.

Девушка разложила шезлонг, сняла уже не очень свежую поварскую куртку и, прикрывшись ею, с огромным удовольствием легла и закрыла глаза. Волнение и усталость быстро взяли свое: не прошло и пяти минут, как девушка уснула.

Разбудил Соню шум хлопающих парусов на белоснежной яхте, которая стояла, прижимаясь правым бортом к прича-

лу. Молодого человека, собиравшего паруса, девушка сразу узнала – это был Глеб Кропп. Она видела его каждые выходные в местной лавке, когда покупала отраву от улиток или дуги, чтобы подвязать помидоры, а Глеб выбирал наживку для рыбалки. Соня села, натянув льняную куртку, и, пока застегивала кнопки, следила за действиями атлетически сложенного парня. Она могла разглядеть его сосредоточенное лицо, высветленное лучами заходящего солнца. Он ловко крутил лебедку, играя мускулами, перетягивал толстые канаты для швартовки, затем на время исчез в рубке, а когда снова появился, то снял черную, местами выгоревшую на солнце футболку, развесил на туго натянутом тросе на носу судна, замкнув ключом единственную дверь, ловко спрыгнул на пирс и уверенной походкой направился в поселок.

Соня долго смотрела вслед капитану этой замечательной яхты, и даже после того, как его силуэт растворился в опускающемся на берег тумане, она все еще сидела, устремив взгляд на ту дорогу, по которой ушел молодой человек, имеющий все свое. Не только свой дом, ресторан быстрого питания и интернет-кафе, но еще и яхту, эдакую неведанную для Сони роскошь. Как же так могло случиться, что она в свои двадцать пять лет осталась совсем голая и босая, без дома, без семьи и друзей? Все, что она смогла накопить к этому возрасту, так это только десяток лишних килограммов собственного веса. Девушка постаралась проглотить ком, подкативший к горлу, не позволяя себе заплакать, и перевела

взгляд на яхту. Соня вообще редко плакала, чаще от физической боли, душевные муки – для богачей, считала она, ей же надо было выживать каждый день с момента смерти родителей, и сейчас особенно. Молодой человек, покинувший судно, хоть и вызвал у Сони легкий приступ зависти, все же был ей симпатичен, и она не хотела ему вредить, но черная футболка, висевшая на леере его судна, была ей сейчас жизненно необходима. Десять дней ходить в поварской куртке по поселку девушка не смогла бы, тем более что еще нужно было съездить в город и вернуть в прокат платье.

Соня огляделась, вокруг не было ни души, она медленно пошла к причалу, размышляя о воровстве. В интернате тех, кто воровал, наказывали воспитатели, лишая воскресной прогулки в кино или парк, а вечером проворовавшимися устраивали «темную» одноклассники. Они закрывали ворюшку одеялом с головой, когда тот засыпал, и били все сразу, не давая возможности защищаться. Поэтому Соня украли в детстве только один раз в пятом классе бусики у косой Марты, уж очень ей хотелось иметь что-то, чего не выдают всем детям интерната по субботам в комнате кастелянши на первом этаже спального корпуса. Но потом сполна за это расплатилась. И вот сейчас она второй раз в жизни решила взять чужое, уговаривая себя, что, купив одежду, вернет эту футболку Глебу. Он ведь такой богатый, наверняка даже и не заметит пропажи.

Перелезть на борт яхты для девушки не составило осо-

бого труда. Она с восторгом ступила босыми ногами на вымытую до блеска деревянную палубу и, скользнув рукой по никелированным поверхностям поручней, мечтательно прикрыла глаза.

– Как же здесь красиво, – прошептала Соня, разговаривая сама с собой. Она нагнулась, заглянула в продолговатый иллюминатор каюты и замерла от восторга. – Это же настоящий дом!

Постояв какое-то время у иллюминатора, девушка прошла на нос судна, по пути стащив футболку и спрятав ее под куртку. Затем присела на белые кожаные маты, наслаждаясь моментом, и уже через минуту бесцеремонно растянулась на них во весь рост, раскинув руки в разные стороны. Солнце лениво подбиралось к линии горизонта, ярко отражаясь в тягучей, словно задремавшей темной воде, в воздухе появилась приятная прохлада. Чтобы проникнуться этим моментом, Соня зажмурилась и начала рисовать в воображении лицо Глеба. Она старалась припомнить, какого цвета у него глаза, и тут же с уверенностью произнесла: «Серые, какие и должны быть у настоящего капитана» – и, повернувшись на бок, с наслаждением представила его губы, подтянула к себе колени и, обхватив их руками, воображала, будто это он ее обнимает, как вдруг ее внимание привлек прозрачный полиэтиленовый пакет, из которого выглядывала вещь, необходимая сейчас Соне больше всего.

– Ой, калоши, нет, как их там? Кроксы, точно, не может

быть! – вскочив на ноги, весело прокричала девушка, схватив пакет, и в ее глазах мгновенно вспыхнула радость, озарившая все лицо. Она взяла в руки легкие сабо желтого цвета с черной отделкой и, не медля ни секунды, примерила пару незатейливой обуви, пришедшуюся ей как раз впору. Не веря такой удаче, девушка подумала: «Это, наверное, фея-крестная мне их подбросила на яхту. Теперь я смогу дожить до зарплаты, и не нужно ходить босой».

5. Гнездо

Культовые здания в Вавилоне традиционно были квадратными в плане и состояли из нескольких ярусов. Назывались такие здания «зиккураты». Ярусы в них обычно были выкрашены в разные цвета: первый был черным и символизировал подземный мир, второй – красным и олицетворял мир людей, а третий ярус был белым и обозначал мир богов. В «Зиккурате» мадам Надин была собственная, присущая только Долине, символика, связанная с морем и цветением персика. А маленькая башенка на самой крыше, служившая у вавилонян святилищем и бывшая всегда лазурной, здесь была белоснежной. Уложенная плитами каррарского мрамора с темными прожилками, служила она излюбленным пристанищем вездесущих чаек, поэтому именовалась в народе «Гнездом». Сакрального значения не имела и была попросту VIP-залом.

***

Мадам Надин сидела в спальне на мягком бархатном стуле, поставив перед собой статую Мардука на высокий изящный комод, заменив им вазу с пышным букетом. Торшер с хрустальными подвесками рассеивал теплый свет по ком-

нате, создавая атмосферу блаженства. Дама время от времени подносила руку к лицу, и по ее алебастровой коже скользил ночной пеньюар темно-синего цвета, обработанный плотным белым кружевом. Атласные домашние туфли на небольшом каблучке только наполовину были надеты, оставляя свободной большую часть стопы. Она пребывала в задумчивости, устремив взгляд карих глаз на статую павлина, которую считала божеством и покровителем Персиковой Долины.

– Несправедливо покарал ты нас, несправедливо, – вдруг четко проговорила дама, метнув на статую холодный взгляд. – Кара, посланная тобой, непомерна, и за что? За мелкие прегрешения?

Надин, потерявшая в свое время дочь и мужа, считала себя испившей чашу горьких бед сполна, поэтому разговаривала с Мардуком без малейшего страха, даже слегка высокомерно, приподняв голову, как с равным:

– Молчишь? А вот я отреклась от всех своих богов и поверила тебе, и всю Долину убедила в твоем милосердии. За что ты караешь меня, чем я перед тобой провинилась?

Женщина плотно сжала губы, в ее голосе появились металлические нотки.

– Зачем забрал ты жизнь у Андрея прямо в висячем саду, зачем без вины близкого мне человека в тюрьме держишь, зачем наслал на Долину демона Глеба с его фривольными идеями, никому ненужными технологиями и яхтами?

Надин начала переходить на крик, она встала, подошла к божеству и уже замахнулась, чтобы его ударить, как вдруг опомнилась, отдернула руку и замерла.

– Прости, дорогой Мардук, прости, я совсем разошлась, а хотела тебя задобрить дарами, – заговорила она со статуей, будто с капризным ребенком. – Хочешь, я попрошу Петра, и мы глаза твои инкрустируем драгоценными камнями, а могу тебе на шею надеть золотую цепь. И для других могу сделать что угодно, например, половину своего урожая персиков отдать бесплатно в детский сад и школу. – Дама поглаживала павлина по спине и старалась говорить помягче. – Только ты дай мне, пожалуйста, знак, если мне надо это сделать, а то я не хочу зря нести убытки. Если тебе действительно нужны мои жертвы, пошли сигнал.

Сказав это, Надин затихла, прислушиваясь, ожидая знаменья, она надеялась, что Мардук как-то проявит себя: криком петуха или лаем соседской собаки, но вокруг не было ни звука. Тогда она открыла окно и взглянула на темное южное небо, пестрившее бесконечным количеством мерцающих звезд. Ночная прохлада начала поступать в комнату. Надин выключила кондиционер и снова перевела взгляд на Мардука.

– Как обычно, придется все решать самой! Боги явно меня недолюбливают. Ну, раз для меня у тебя ничего нет, пошли успех в делах хотя бы Джемме.

Дама хотела еще что-то добавить, но к ней постучала гор-

ничная и, не отпирая двери, проговорила:

– Мадам, там Коля Вересков пришел, впускать?

Надин быстро накинула на Мардука простынь и, с трудом засовывая его за комод, кряхтя от тяжести, злобно шептала:

– Нет, Мардук, ты не павлин, а глупая курица! Я имела в виду Глеба, а не Николая!

– Пусть проходит в гостиную, я сейчас приму его! – крикнула она через дверь.

Дама, накинув халат, по пути взглянула в зеркало, чтобы поправить прическу, и натянула на лицо дежурную улыбку. Затем тяжело вздохнула, раздумывая, как лучше поступить с Николаем, и, решив, что соперничество только подстегнет интерес Глеба к Джемме, прошептала своему отражению: «Пришел, значит. Хорошо, что Джемма уже спит и не наломает дров». Она вспомнила, как застала племянницу у себя в спальне, как пыталась объяснить ей присутствие Мардука, убеждая, что принесла себе павлина, чтобы отвлечь людей от смерти Андрея и ареста Петра Ивановича, а потом уговаривала ее не огорчаться относительно равнодушия Николая и, напоив бокалом домашнего вина, уложила в постель.

Молодой человек, вставший с кресла навстречу Надин, был так не похож на того, кто оставил ее племянницу в день помолвки четыре года назад. Он несколько лет прожил в Австралии, а вернувшись, купил виноградники, усиленно занялся виноделием и все свое время проводил на собственном небольшом винзаводе, где обустроил подземное храни-

лице для готовой продукции, и поэтому в поселке появлялся редко. Люди поговаривали, что Николая с головой ушел в работу, изменился, но Надин не верила в то, что люди меняются, разве только внешне. И каждый раз, когда Надин видела Николая, он становился только красивее. Сначала юный сорванец из этакого Гекльберри Финна превратился в подобие златокудрого Аполлона, а сейчас в слащавом образе, как в выдержанном вине, появились терпкие нотки, точеное тело стало могучим, заветренная кожа – холеной, а у чистых голубых глаз появился демонический прищур.

– Николая, чем обязана столь позднему визиту?

– Здравствуйте, мадам Надин, я так давно не был в вашем доме, здесь все изменилось, кроме вас, конечно. Вы все так же ярки и прекрасны, как солнце над Долиной.

Надин сдержанно отреагировала на его комплимент, будь она обычной дамой средних лет, склонной к сентиментальности, она бы, возможно, ненавидела Николая за то, как он поступил с Джеммой, но она в первую очередь была человеком дела, и эта история, из-за которой Николая всегда смотрел на нее с еле уловимым беспокойством, давала ей власть над ним, а власть Надин любила больше всего.

Она повелительно указала гостю на кресло. Повисшая пауза угнетающе действовала на Николая, он заерзал в кресле и начал говорить спокойно, но не так уверенно, как обычно:

– Я сегодня на балу видел Джемму, хотел бы с ней поговорить. Только вернулся с виноградников, не знал, что она

приехала.

Сказав это, Ник небрежно поправил выгоревшие ровными золотыми прядями волосы, упавшие мягким шелком на его лицо. Он был избалован успехом, вниманием женщин, никогда себя ни в чем не винил, и та история с Джеммой была для него как царапина на новеньком лобовом стекле, он бесконечно водил по ней дворниками, но она никак не исчезала.

– Джемма спит, я не стану ее будить ради тебя, – резко ответила Надин и, чтобы еще сильнее уколоть наглеца, добавила: – Завтра в «Гнезде» и повидаетесь. Ой, постой, или Джемма-Виктория не пригласила тебя на завтрашнюю встречу старых друзей в «Зиккурат»?

Молодой человек на какое-то мгновение растерялся от того, что даже не слышал о встрече, которую они по традиции устраивали в башне ресторана Надин каждый раз, когда Джемма приезжала в Долину. Надин организовывала в этой башне праздники для своей племянницы лет с десяти, и всегда Николая был ее главным гостем. Как же так могло случиться, что теперь он был персоной нон грата? Юноша поднял брови, отчего на загорелом лбу появились две глубокие морщины, он силился придумать достойный ответ, но дама его опередила:

– Ах да, я совсем забыла, ты же купил себе свидание на балу с этой, как ее там? Все время путаю этих сестер. Кто там тебе достался?

Надин врала и про встречу старой компании Джеммы, и про то, что забыла, как зовут победительницу бала, но ничуть об этом не сожалела, она наслаждалась растерянностью самоуверенного ловеласа. Дама была уверена, что устроить вечеринку для Джемминых друзей у себя в ресторане сможет в два счета, а то, что Николая, главного заводилу и душу компании, забыли пригласить на нее, больно ударит по его самолюбию.

– Да я так, ради азарта участвовал в аукционе на балу, для меня это свидание ничего не значит, – неожиданно для себя начал оправдываться Николай, будто ему опять было 14 лет, и он без спроса взял отцовский мотоцикл. Но он тут же спохватился, встал, сунул руки в карманы, гордо вскинул голову и, сделав пару шагов к двери, давая Надин понять, что он уже намерен покинуть ее дом, продолжил: – Ну, если подумать, на посиделках нашей честной компании я был тысячу раз, а вот на таком свидании стоит побывать хоть однажды. Все говорят, что вы в «Зиккурате» устраиваете незабываемый ужин для победителя аукциона.

Молодой человек говорил кратко и негромко, держался так, чтобы не дрогнул ни один мускул на его лице, и Надин не догадалась, как он расстроен и взбешен. Не пригласить его, Николая, на посиделки в «Гнезде» было равносильно унижительной пощечине. Но, как он ни старался, дама видела его насквозь. Она знала этого обаятельного юношу с детских лет и уже готова была сжалиться над ним, погладить по голове,

как маленького, и напоить любимым апельсиновым соком, и только безграничная жажда ставить красивых мужчин на место не позволила ей растаять под очаровательным взглядом этих синих глаз в обрамлении пушистых светлых ресниц.

Как только за Николаем Вересковым закрылась дверь, Надин с легкостью молодой девушки вбежала на второй этаж, чтобы обрадовать Джемму, но, открыв дверь ее спальни, обнаружила, что племянница и вправду спала сладким безмятежным сном. Свет от ночника освещал ее правильные черты, и легкая улыбка играла на прекрасном лице. Надин залюбовалась умиротворением, веявшим от спящей девушки, и, присев на край дивана, тяжело вздохнула, прошептав в темноту: «Моя Аннушка была бы сейчас немного старше...» Она откинула голову на высокую спинку дивана и почувствовала, как сердце сжалось от накативших воспоминаний. Надин уже много лет не позволяла себе снова и снова переживать страшные события молодости, которые раньше доводили ее до безумия, но сейчас, увидев мирно спящую Джемму, она вдруг представила, что ее дочь тоже могла быть такой красивой и счастливой, но ее безжалостно поглотила земля. По щеке женщины покатилась горячая слеза, и перед глазами, словно вспышки сознания, начали возникать моменты самого страшного дня ее жизни.

Надин схватилась за висевший на шее медальон в виде большой белой жемчужины, обрамленной черными бриллиантами, повернула его тыльной стороной и начала неж-

но пальцем гладить монету, которая составляла основу этого украшения. На монете были изображены руки, держащие вечный огонь, а за языками пламени простирались ангельские крылья и дата 07.12.1988. Это все, что у нее осталось в память о том чудовищном дне, монета, которую тысячи людей, также как и она, хранили в своих домах как метку, что их семьи не обошла эта беда. Дама поднялась, еще раз посмотрела на Джемму и медленно побрела к себе. На ее лицо налегла тень печали, моментально состарив весь облик, уголки рта скорбно опустились вниз, между бровей появились морщины, в глазах погас огонь жизни, и вся она сгорбилась, опустив округлые плечи.

Утром Надин разбудил звук газонокосилки и резкий запах скошенной травы. Она не позволяла делать шумные работы по дому до восьми часов, поскольку не любила, чтобы кто-то вмешивался в ее распорядок дня, заставляя проснуться раньше обычного. И уже была готова обрушить свой гнев на садовника, но, когда перевела взгляд на часы, поняла, что проспала. Дама встала и с недовольным лицом прошла к окну, чтобы закрыть его, тем самым сохранить в комнате ночную прохладу, но, протянув руку к раме, услышала разговор кухарки с женщиной по имени Мария, приносившей им несколько раз в неделю свежие яйца.

– Ой, дорогая, у меня такая новость, я знаю, кто может быть виновен в смерти Андрея Дижэ.

– Да ты что?! Ну, давай рассказывай, только тише, Надин

не любит сплетен.

– Помнишь, со мной работает Соня, ну, жена Данилы с Садовой?

– Такая полненькая, тихая?

– Не такая уж она и тихая, вчера я обнаружила ее платье спрятанное, и ты даже не представляешь где. Она его затолкала в кастрюлю для компотов!

– Да ну!

– Вот-вот, я сама была в шоке. Так это еще не самое страшное, я хотела достать это платье, а оно все в крови!

– В чьей крови?

– Ну, понятно в чьей, явно она Андрея убила, иначе зачем платье в кастрюле держать? Это же улика, думала, в детском саду никто не найдет.

Женщины еще что-то говорили, удаляясь от окна, и через время их голоса стихли, а Надин оторопела от услышанного, не зная, как лучше использовать эту информацию, но в полицию звонить не стала, чтобы не выглядеть посмешищем. Тут одними сплетнями не обойтись, чтобы обвинить Соню и выгащить Петра Ивановича, нужны были реальные улики.

За завтраком Надин в красках рассказала Джемме о ночном визите Николя и о том, что сегодня нужно собрать друзей в «Гнезде», но при этом все прокручивала в голове услышанное о Соне, и в ее воображении рисовалась страшная картинка огромной кастрюли, доверху забитой окровавленными платьями, поэтому, когда племянница обратилась к те-

те, несколько раз повторив вопрос, Надин отстраненно переспросила:

– Что ты говоришь, милая?

– Я говорю, что встречаться не с кем. Я, Лиля, Руслан, Тимур, ну, еще Максик приедет, если Лиля ему позвонит. Раньше же еще был Андрей и Николая, а теперь компании, получается, и нет.

– А Лилин брат? Разве он с вами не дружил? – рассеянно спросила дама, подливая себе в стакан ледяной абрикосовый компот, от которого тонкое стекло сразу запотело, и Надин начала недовольно обтирать его салфеткой.

– Ну да, Артур, я про него забыла, – отозвалась Джемма, и по ее виду было件нятно, что она недолюбливала этого молодого человека.

– Джемма, а может, пригласишь Глеба? Мне как раз нужно отвлечь его от одного дела, да и Николая приревнует.

– Нет, тетя, Глеб будет смущаться в чужой компании, и вообще, мы вчера повздорили на балу из-за его шоу с фотографиями конкурсанток, а чтобы Николая меня ревновал, я не хочу. Я вообще от него ничего не хочу.

– Я бы еще могла поверить, что ты не хочешь Николая вернуть, но что ты не хотела бы подпортить ему нервы, я никогда не поверю.

– Мы можем не говорить о нем?! – недовольно выпалила Джемма, отодвигая от себя креманку с клубникой. – Я же говорила, что не ем сахар в чистом виде, зачем мою клубнику

так сильно засыпали сахарной пудрой?!

– Ты зря сердишься, милая. Не хочешь говорить о Николае – пожалуйста, к тому же в каждом доме, где есть молодые девушки, и так наверняка каждый день о нем говорят, много чести! Лучше придумай, как быстро помириться с Глебом. А клубнику тебе сейчас заменят. – Дама сделала еле заметный знак рукой, и вмиг у стола появился парень с выправкой официанта мишленовского ресторана и так же быстро скрылся, держа в руках хрустальную вазочку на миниатюрной ножке, заполненную крупной спелой клубникой.

– Хорошо, я подумаю насчет Глеба, только я все еще не понимаю конечной цели. Ну, допустим, мне удастся завязать с ним роман, ну, предположим, я заморочу ему голову, но каким чудом я заставлю его сделать мне предложение? И как это спровоцирует его уехать из Долины?

– Если бы ты слушалась меня раньше, то и Николая бы не сбежал с помолвки, ни тот другой в Норвегию. У меня опыт, я знаю людей. Для начала нужно создать незабываемую атмосферу судьбоносной встречи, это уже было на дороге, когда сломался его хаммер. Затем дать ему почувствовать себя героем, это устроишь завтра, так вы с ним и помиритесь. Следующий этап – задушевные разговоры, ты расскажешь о своей крошечной драме, он в ответ о своей, вуаля, вы уже эмоционально связаны. Потом узнаешь о его мечте и объявишь себя его ярким сподвижником, отступишь от пагубных идей своей зловредной тети и перейдешь на его сторону. Все

– он считает тебя своей судьбой, залечивая твои раны, делает предложение – и дело в шляпе, – вставая из-за стола, проговорила Надин и, направляясь к двери, проронила через плечо, смеясь: – А что будет потом, это уже мои заботы, тебе этого знать не нужно, но обещаю: не успеешь ты привыкнуть к блеску помолвочного кольца, как Глеб Кропп покинет Долину и больше никогда сюда не вернется.

Позавтракав с племянницей, Надин сделала несколько телефонных звонков, надела платье в стиле сафари песочного цвета и, повязав на шею ярко-красную косынку в цвет своего автомобиля, отправилась на строительство консервного завода, которое изрядно затягивалось и выводило даму, привыкшую всегда следовать плану, из себя. Но, выехав на окраину поселка, она остановилась у обочины и, заглушив мотор, начала ждать, то и дело поглядывая по привычке на наручные часы. Человек, которого она ожидала, опаздывал, прислав несколько сообщений на телефон, но Надин они только раздражали. Вообще сегодня она была на редкость в дурном настроении.

Спустя минут двадцать наконец рядом с дорогим элегантным автомобилем мадам Надин припарковался черный микроавтобус, забрызганный таким количеством грязи, что даже трудно было себе представить, как в окрестностях Долины с идеальными дорогами можно было найти такое болотистое место. Крупный молодой мужчина, вышедший из микроавтобуса, был сердитым, похожим на нахохлившуюся пучеглазую сову, но, открывая дверцу машины, в которой его ожидали, принял покорное выражение лица и несколько раз извинился за опоздание.

Надин, тяжело вздохнув, окинула недовольным взглядом его несвежую растянутую рубашку поло темно-синего цвета, вспотевшее лицо со следами тяжелой формы себореи и

невольно отодвинулась, но потом стряхнула с себя нахлынувшую брезгливость и сразу перешла к делу:

– Данила, я к тебе обращаюсь только с особыми поручениями, и ты всегда их отлично выполнял, я это очень ценю. Но сегодняшняя просьба будет необычной даже для меня.

Мужчина молчал, ежась под пристальным взглядом Надин, стараясь предугадать, что понадобилось этой своенравной дамочке на этот раз. Он громко сопел и, несмотря на работающий в машине кондиционер, от волнения еще больше потел, поэтому чувствовал себя особенно некомфортно. А дама продолжала холодным тоном:

– Я хочу сразу отметить, что заплачу за работу вдвойне, но ты не смеешь это с кем-либо обсуждать, ни с одним человеком, понятно?

– Понятно, – буркнул мужчина, при этом кивнул, наклонив голову вперед, но обратно ее не вернул, а остался сидеть в напряжении с опущенным подбородком.

Надин, глядя на это, еще раз глубоко вздохнула, решив, что так Данила старался показать готовность ее выслушать, начала негромко, но очень четко объяснять:

– Тебе известно, что на центральной площади открылось кафе быстрого питания, хозяин этого заведения разместил объявление час назад о поиске экспедитора. А теперь самое важное: ты сейчас поедешь, устроишься на эту должность и будешь мне докладывать обо всех его поручениях, особенно когда планируется открытие и первая поставка продуктов.

– Но у меня уже есть работа, как я смогу их совмещать?

– Это временно, на несколько дней. Когда все сделаешь, уволишься. Что ты как маленький? Делов-то, – проговорила Надин, поглядывая на часы, тем самым давая понять, что у нее нет лишнего времени. – Да, вот еще что: у меня в багажнике коробка, заклеенная скотчем, перенеси сейчас ее себе в машину и, как только будет возможность, оставь на складе этого кафе, но только не так, чтобы ее можно было легко найти. Все понял?

– Да, чего уж тут непонятного: на работу устроиться, вам докладывать и коробку на складе припрятать, – перечислил мужчина, хватаясь за ручку двери. И когда он уже был готов выйти, Надин повернулась в его сторону и, слегка прищуриив глаза, как бы невзначай спросила:

– А твоя жена, ее, по-моему, Соней зовут, она в детском саду работает поваром? У вас с ней все хорошо?

– В смысле? – морща лоб, осведомился Данила, не понимая, к чему клонит Надин.

– Бывало так, что вы в последнее время ссорились, или, может быть, она не ночевала дома? – начала издалека Надин, пытаясь вывести Данилу на разговор про ночь убийства, на что у Данилы была странная, но очень красноречивая, на ее взгляд, реакция. Он вдруг весь покраснел, сжал руки в мощные кулаки, ноздри его мясистого носа возбужденно затрепетали, и он начал выходить из себя:

– А я не намерен с вами откровенничать, вы мне за это не

платите, моя жена – мое дело.

– Угомонись, ты что так разошелся? – сказала Надин, включая зажигание. – Забыл, с кем разговариваешь? Пошел с глаз, и чтоб вечером был отчет.

В шесть часов вечера Надин быстрым шагом вошла в свой ресторан под названием «Зиккурат», не успев даже переодеться в нарядное платье, чего старалась не позволять себе, поскольку это место для нее было неким оплотом радости, как, впрочем, и весь поселок. Потеряв семью, единственной возможностью не покончить с собой стало для Надежды Львовны, Надеждой Львовной больше не быть, и она начала называть себя мадам Надин. Придумав красивую историю о том, как жила в Пуатье, она переехала в Персиковую Долину и построила в ней рай на земле. Здесь никогда не бывало хмурых дней, тусклых красок и потерь, потому что терять мадам Надин было нечего: замуж она больше не вышла, детей и даже питомцев не заводила, оттого не было в ней страха, а чтобы в душу не просочилась тоска, окружила она себя неистово веселящейся толпой и работой без единого выходного.

Открывался ресторан «Зиккурат» не раньше шести часов вечера, в силу своей занятости, жители Долины приходили в ресторан по особенным случаям, и Надин старалась этот случай сделать для них незабываемым. И если много тысяч лет назад жители Междуречья пытались приготовить себе еду, не имея для этого даже примитивной посуды, то в этом

ресторане все было оформлено и оборудовано на высшем уровне. Просторный зал утопал в свете огромных хрустальных люстр, а столики напротив были небольшими, уютными, покрытыми белоснежными накрахмаленными скатертями, с букетами свежих цветов в любое время года. По вечерам свет приглушали, и на столы ставили канделябры с горящими свечами. Их растопленный воск, словно слезы умиления, неспешно стекал в медные подставки причудливой формы. Полы сияли черным мрамором с золотым орнаментом по краю, в центре возвышался камин в человеческий рост, фланкированный с двух сторон изысканными восточными вазами. Служащими этого ресторана были только красивые мужчины в идеально подогнанной по фигуре форме, а официанты еще должны были надевать исключительно чистые белые перчатки. Кухня была укомплектована по последнему слову техники, а наличие такого шеф-повара мог позавидовать любой великий император.

Переступив порог, Надин прислушалась к тягучим звукам джаза, окутывающим каждый уголок зала. Она подошла поближе к сцене, чтобы посмотреть на джаз-банд, приглашенный на вечер для показательного свидания победительницы вчерашнего бала. Все столики первого этажа ресторана были заняты, жители Персиковой Долины любили наблюдать за этими необычными свиданиями, а Надин старалась сделать этот вечер для посетителей ресторана запоминающимся. Но сегодня у нее за долгое время существования необычной тра-

диции были другие намерения.

Стол для пары – виновников торжества – обычно ставили ближе к сцене, отделив его пышными букетами в высоких напольных вазах от общего зала, но так, чтобы при желании можно было собравшимся гостям понаблюдать за зарождающимися отношениями между юной победительницей и мужчиной, желающим покорить ее сердце. Поэтому, когда мадам Надин скомандовала накрывать для главных гостей вечера столик не у сцены, а у лестницы, ведущей в башню с маленьким банкетным залом, официанты были удивлены.

По решению тети Джемма пригласила друзей в «Гнездо», назначив встречу на полчаса раньше свидания победительницы бала. Поднявшись наверх, девушка почувствовала в себе знакомую с детства уверенность, что с наступлением лета ее жизнь начинает светиться разноцветными красками приключений, дружбы и головокружительных любовных историй. Она обошла вокруг сервированного на шесть персон стола и направилась к распахнутым настежь окнам с тонкой золотой обрешеткой, сияющим отражением предзакатного солнца. В них развевался прозрачный тюль от дуновения легкого ветерка, и от этого движения и летающих за окнами чаек на фоне голубого неба казалось, что ресторан в башне возносится и парит на уровне облаков. Сегодня девушка была одета в летний комбинезон из серебристого плиссированного шелка, его рукава заменяли два мягких волана, доходящих до самой талии, открывая нежные руки и спину.

Она замерла и слушала, как хлопают от ветра занавески, а воланы-крылья комбинезона вторили этим движениям, делая Джемму похожей на волшебную птицу с сияющим опереньем.

Утром в разговоре с Надин Джемма, естественно, отрицала, что хочет увидеть Николая и уж тем более его вернуть, но сейчас, глядя на то место за столом, которое традиционно много лет подряд занимал ее Ник, она не могла унять в себе губительное желание видеть его. Джемма мечтала, что как только он услышит их суетную возню и громкий смех, то ноги сами приведут его в знакомое место, к людям, которые когда-то были ему очень дороги. «Разве может наша история сравниться с каким-то сомнительным свиданием? – размышляла Джемма, рассматривая пышный букет пионовидных роз и крупных белоснежных гвоздик в прозрачной шаровидной вазе. – Нет, он обязательно придет».

Справа от стола стояло начищенное до блеска ведро для шаманского, лед в нем постепенно таял, и девушка бросила тревожный взгляд на дверь. Но вот послышались первые шаги по лестнице, и на пороге появилась Лиля со своим братом Артуром. Обворожительная хрупкая Лиля в легком воздушном платье обняла подругу, прошептав в самое ухо: «Я отпросилась у мужа на весь вечер и отключила телефон, – а потом оглянулась на брата и еще тише спросила: – Думаешь, Николай не придет?» На что Джемма только пожала плечами и перевела взгляд на Артура, который стоял у кресла с вы-

соким изголовьем, широко расставив ноги в мягких мокаси-
нах на босу ногу, и внимательно изучал Джемму, бесстыдно
скользя взглядом по ее привлекательным формам. По круп-
ному лицу Артура с близко посаженными глазами, широким
плечам и небольшой черной бородке сложно было сказать,
что он младший брат Лили. За последние четыре года Ар-
тур сильно возмужал, и Джемма искренне надеялась, что к
своим двадцати двум годам вместе с юношеской угловато-
стью фигуры ушли и его сумасбродность, откровенная раз-
вязность и непредсказуемость. Но не успела она обмолвиться
с ним и парой слов, как в маленький банкетный зал баш-
ни, словно ураган, ворвался невысокий краснощекий моло-
дой человек с горящими темными глазами. Он выглядел та-
ким возбужденным и суетным, что, казалось, с его появле-
нием все вокруг пришло в движение. Пробираясь к Джемме
для объятий, он потянул за собой край скатерти, и это бы
обернулось катастрофой для фарфоровой посуды, но Джем-
ма вовремя отреагировала, сделав шаг ему навстречу.

– Макс, рада тебя видеть! Ты все такой же энергичный!

– И толстый, – язвительно заметил Артур.

– Артур, как некрасиво, – сказала смущенно Джемма, под-
ставляя Максиму щеку для поцелуя.

– Он прав, я раздался, возраст берет свое. Ты зато расцве-
ла, ну, прямо и не знаю, как к тебе подступиться, – смущал-
ся юноша, доставая из кармана небольшую коробочку цве-
та морской волны, перевязанную золотой тесьмой. – У меня

для тебя маленький подарок.

Максим вручил Джемме коробку с таким довольным лицом и так торжественно, что, казалось, получал от этих действий безмерное наслаждение. Девушка тут же уловила настроение друга, радостно захлопала в ладоши, поставила коробку на стол и, ловкими движениями развязав тесьму, открыла крышку. Подарком была раскрытая раковина, внутренняя часть которой сияла перламутром, а в центре нижней створки застыла жемчужина небывалой красоты.

– Макс, какая прелесть, эта же настоящая жемчужина, и такая большая!

– Теперь это мой бизнес, я их выращиваю и устричную ферму держу, правда, еще не все получается, но начало положено, и я уверен: мой бизнес будет процветать, – сказав это, юноша вдруг растрогался и заморгал. Джемма поняла, что он по-прежнему излишне эмоционален, и с годами его милая в детстве особенность стала казаться нервным расстройством. Юноша хотел достать платок, но вместо этого вынул из кармана осколок гладкого камня со странным рельефом.

– Ой, что это у тебя? – оживилась Джемма, протягивая руку к необычному предмету. – Можно взглянуть?

– Я нашел это на утесе, там, где устанавливал платформу для устричной фермы. Забавная вещица, правда? – отозвался Максим.

– А можно я возьму его на время, покажу Надин?

– Конечно. А ты думаешь, это что-то древнее?

Но ответить девушка не успела. Следом за Максимом в комнате появился Тимур Дробус – элегантный, молчаливый, стройный юноша с большими умными глазами, и пока девушки рассматривали подарок Максима, парни изучали карту вин, громко обсуждая новшества любимого ресторана. И так как все понимали, что Николая, скорее всего, не присоединится сегодня к их посиделкам (так было принято с легкой руки Лилиной бабушки называть их встречи в «Гнезде»), ждали только появления Руслана, который сегодня задерживался. Поскольку Руслан работал врачом в местной амбулатории, то к его опозданиям и срочным вызовам относились с пониманием. Но сегодня Руся опаздывал не из-за профессиональной занятости: он возил свою четырнадцатилетнюю сестру в город на занятия по танцам и присоединился к друзьям, задержавшись минут на сорок. Его белая наутюженная рубашка выгодно подчеркивала бронзовый загар, глаза цвета горького шоколада смотрели спокойно и вдумчиво, а черные блестящие волосы были аккуратно уложены, завершая безупречный образ.

– О, а вот и наш Русланчик! – воскликнула Лиля, с восторгом захлопав глазами, словно она увидела сверхчеловека.

– Не Русланчик, а Руслан Игоревич, – поправил ее Максим, протягивая другу руку.

Руслан протиснулся между окном и креслами, стараясь не потревожить сидящих за столом парней, подошел к улыбающейся Джемме и, поцеловав ей руку, положил на стол

небольшой букетик лаванды, перевязанный сиреневой лентой, а затем повернулся к Лиле, и точно такой же букет появился у ее фужера с шампанским.

– Русланчик, спасибо, – проговорила Лиля. – Я положу ее на прикроватную тумбочку, чтобы лучше засыпать.

Потом доктор вернулся к Максиму, протянул ему флакончик с таблетками от болей в поджелудочной. А проходя мимо Тимура, забрал у него карту вин и картинно погрозил пальцем со словами:

– Я же предупреждал, с антибиотиками нельзя.

Артур наблюдал за действиями доктора с презрительной усмешкой на губах и сказал наконец:

– Вы, Русланчик Игоревич, всех облагодетельствовали, всем помогли, прямо как подорожник, хоть к ране прикладывай.

Молодой доктор повернул непроницаемое лицо в сторону Артура и сказал совершенно спокойно:

– Пойду помою руки перед едой.

– Давай быстрее, пока Макс все не сожрал, – ехидно прищуриваясь, добавил Артур и рассмеялся.

Когда под звук фанфар Николая заводил в зал свою избранницу, в высокой башне ресторана пили, не чокаясь, в память о безвременно ушедшем из жизни Андрее Дижэ.

Николя, усадив свою спутницу за накрытый стол, был удивлен его странному расположению, но не успел официант разлить шампанское, как он догадался, в чем подвох. С

широкой винтовой лестницы, ведущей в «Гнездо» ресторана, доносились знакомые голоса, звон бокалов, стук приборов и, конечно, смех, смех, который он не спутает ни с одним в мире, звонкий, как перелив колокольчика, заразительный своей неподдельной радостью, смех, который он готов был слушать снова и снова, смех его крошки Джеммы.

«Ах, эта хитрющая лиса мадам Надин, – думал Николая, хватаясь за накрахмаленную салфетку, удерживая себя всеми силами, чтобы не сорваться и не вбежать по лестнице, ведущей в мир его юношеских радостей. – Думала, я не устою и пошлю к чертям это никчемное свидание, но теперь уж нет, не стану играть по ее правилам».

Николя заулыбался белозубой улыбкой и, как только заметил Надин в зале, сразу взял за руку сидящую с ним рядом рыженькую девушку. Он оценивающе посмотрел на нее, ему нравились юные красотки, а почему нет? У них была упругая кожа, высокая грудь, практически отсутствовал страх и предубеждения, их можно было легко удивить. Но не это же его привлекало, должно было быть что-то еще. Николая жадно скользил взглядом по телу девушки, отчего щеки ее покрылись еле заметным румянцем, и она была уверена, что знаменитый ловелас предложит ей уйти вместе еще до того, как подадут горячие блюда. Но взор Николая остановился на ее глазах, такой взгляд открытый, светлый нельзя было ни нарисовать у визажиста, ни подтянуть в спортзале, его нельзя было ни с чем перепутать – это был взгляд челове-

ка, не знавшего потерь и разочарований. И больше всего на свете Николая нравилось не спать с молоденькими девицами, а видеть, как этот взгляд потухал в их глазах, когда он объявлял, что между ними все кончено. Обычно таких мужчин в гостиных за чаем называют «ловелас» или «Казанова», в дамских туалетах – все больше «бабник». Но для Ника это было не просто распушенностью, это скорее был своеобразный извращенный фетиш, своего рода коллекция потухших взглядов, и он не мог не думать о том, что там, наверху, среди его друзей находился венец его коллекции – его первая жертва и единственная девушка, чьи глаза он так и не видел с момента их разрыва. Мысли его прервал голос официанта:

– Господин Вересков, желаете ли малиновый соус к утке?

– Желаю, – ответил Николая, двусмысленно глядя на свою спутницу, а не на официанта. Почувствовав в воздухе нотки вседозволенности, молодой официант, лукаво улыбаясь, предложил:

– Может, подать еще устриц? Свежайшие, с фермы вашего друга Максимилиана Лапина, он, кстати, тоже здесь, в VIP-зале, если захотите поздороваться.

Николя вспыхнул.

– Нет, благодарю, – процедил он и сделал рукой движение, показывающее официанту, что ему пора скрыться.

Но после этого разговора, как ни старался Николая не думать о друзьях, собравшихся в башне, не мог. В голове без конца крутилось «ваш друг», «здесь в башне», «ваши дру-

зья», «хотите поздороваться». Да, черт возьми, он хотел не просто поздороваться, а быть там. Это было место, где Надин устраивала им праздники с таким размахом, от которого даже дух захватывало. Вначале детские шумные посиделки с огромными тортами и лимонадом, потом подростковые пирушки с розыгрышем подарков, и когда они совсем стали взрослыми – безудержные вечеринки с алкогольными коктейлями и караоке до самого утра. Надин позволяла племяннице и ее друзьям все: любую еду и выпивку, громкую музыку, азартные игры, кальян. Единственное, чего Надин не позволяла, – это скука. Но это было не самым важным, главное было делать все вместе, как единый организм, как маленькая армия или скорее шайка разбойников: забраться в персиковые сады Надин и убежать с бешено колотящимся сердцем от сторожа; стащить у рыбаков лодку и уплыть на маяк ночью, а потом купаться голышом и обещать девчонкам, что не будешь за ними подглядывать, но не сдержат обещание; устроить гонки на лошадях без седла или сделать из старенького запорожца кабриолет, срезав кабину, и всей компанией забираться в него, чтобы на предельной скорости рассекать по побережью, оставляя на мокром песке глубокие следы, испробовать все опасные виражи; прыгать с самых высоких утесов; выпить весь алкоголь в баре Надин и заявиться пьяными на праздник цветения эхинопсиса.

Николя устало потер лоб. Девушка напротив что-то говорила о тартаре из говядины, Николя делал вид, что слушает,

а наверху молодые люди старались делать вид, что не ждут появления Николая. Они первый раз после смерти Андрея собрались вместе, и им не терпелось высказать свои предположения относительно этого жестокого убийства. Первым начал с запальчивостью тараторить Максим, живший с Андреем по соседству, поэтому видевшийся с ним каждый день, и хотя Андрей был человеком весьма закрытым, Максим был уверен в своей осведомленности.

– А знаете, это хорошо, что Коли сейчас нет с нами, я хотел вам кое-что рассказать. У них с Андреем была ссора накануне, и я даже видел, как Вересков хватал Андрея за грудки.

– Не понимаю, на что ты намекаешь, – удивленно поднимая брови, спросила Джемма. – Разве мог Николая сделать что-то подобное?

– А что, разве твой Николая был когда-то пай-мальчиком? – занервничал Максим, наливая себе полный бокал красного вина. – Он всегда любил нарушать правила, разве нет? К тому же в последнее время он сильно изменился. Как только дела его пошли в гору, он очень от нас отдалился.

– Да, деньги портят людей, – произнес Артур, сидевший напротив Максима, – но сейчас речь не об этом. Если ты что-то знаешь, выкладывай, а то голословно обвинять человека – это...

Максим заерзал на стуле, взлохматил волосы, будто собираясь с мыслями, чтобы ничего не забыть, затем подался

вперед, положив руки на стол и понизив голос, таинственно начал рассказывать:

– Андрей весь этот год доставлял удобрения для Колиных виноградников, и вдруг выяснилось, что большая часть какого-то редкого сорта винограда погибла из-за некачественной подкормки. Вот тут Вересков и разошелся, кричал на Андрея, даже угрожал. Я в это время убирался в саду и сам слышал их ссору.

– И что ты слышал? – робко спросила Лиля, не веря, что Николая мог быть замешан в убийстве друга.

– Коля говорил, что Андрей хочет его разорить, и что если тот сделал это специально, то ему не жить! Представляете, так прямо и сказал: «Тебе не жить», – стирая капельки пота со лба рукавом, словно после тяжелой работы, произнес Максим и, оглянувшись на дверь, продолжил совсем тихо: – Потом Коля уехал к себе на виноградники, а вчера вечером появился – и сразу ко мне, вина притащил разного, мы выпили, то да се, а потом он вдруг начал просить не рассказывать следователю, если тот будет спрашивать, что они с Андреем не ладили в последнее время. Вот и закрадываются подозрения: а не виновен ли наш Николай в убийстве?

– Не городи чепуху, – вмешался в разговор Руслан, державшийся всегда слегка отрешенно. – Мало ли что можно ляпнуть в сердцах. Коля не мог убить Андрея, он слишком любит жизнь, чтобы кого-то лишить ее.

– Да уж, скорее это ты, Макс, убил Андрея, потому что

хотел его слопать, – сказал, смеясь, Артур и начал демонстрировать, как пожирает воображаемую кость, и причмокивать. Так как Лиля никогда не делала замечаний своему брату, Джемма хотела сама остановить Артура или даже стукнуть его чем-нибудь, чтобы он наконец замолчал, но она сидела далеко, поэтому просто закричала, как-то испуганно и строго одновременно:

– Артур, хватит!

За огромными окнами заискрилась очередная темная южная ночь, ветер сменил направление, и в зал начал проникать запах приboя. По заведенной в ресторане традиции безмолвный официант занес и поставил на стол серебряные канделябры с уже зажженными свечами. Свет от пламени отбрасывал яркие блики на гладкие волосы Джеммы и еле заметными искорками сверкал в ее голубых глазах. Гости уже разошлись, в «Гнезде» остались только она и Руслан. Джемма нервно дергала ногой под столом и периодически терла рукой лицо. Ей хотелось поскорее разобраться в этом преступлении, то, что сейчас падала тень на ее любимого Николая, в невиновности которого она была уверена, несмотря на все, что он ей сделал, не давало ей возможности обойти расследование этого запутанного дела стороной.

– Ты выглядишь встревоженной и растерянной, тебе нужно поспать. Может, дать тебе снотворное? – послышался сдержанный голос Руслана.

– Нет, разве что у тебя есть что-то, чтобы вернуть мои 16

лет, мне совсем не нравится быть взрослой. Я не хочу хоронить друзей, подозревать бывших любовников в убийстве и тем более пить снотворное, – постукивая пальцем по фарфоровому блюдцу, ответила Джемма, она и вправду была на взводе, но едва ли сон мог решить ее проблемы.

– Если бы я не был врачом, то, наверное, предложил бы тебе сейчас выпить виски, но я могу только дать совет. Помнишь деда Макара?

– Он еще жив?

– Да, на днях ему будет 95, и он прекрасно себя чувствует. Так вот, я как-то спросил у него, в чем секрет его долголетия, и знаешь, что он ответил мне? «Я никогда никого не любил!»

– Это ужасный совет, Руслан, – отодвигая от себя нетронутое пирожное, ответила Джемма, – бесчеловечный.

– Я же врач, а не проповедник. И, как твой врач, я не разрешаю тебе волноваться за Николая. С ним все будет в порядке, а твое равнодушие к его судьбе уже и так награда, и неизвестно, заслуживает ли он ее.

Прощаясь с Джеммой, Руслан постарался убедить ее, что все непременно будет хорошо. Он вообще всегда был очень спокоен и рассудителен, его профессия была для него не просто работой, а предназначением. Еще в детстве он прочитал слова древнегреческого философа Сократа, что все профессии в мире от людей и только три от богов: судья, педагог и врач. И сразу решил, что вырастет и станет врачом. Сейчас он мог предотвращать боль, облегчать страдания, возможно,

он не считал себя богом, но героем – вполне. Руслан знал, что люди на него рассчитывали, поэтому никогда не позволял себе слабости, и его уверенное «Вам не о чем беспокоиться», сказанное прямо в глаза больному, не раз вытаскивало людей с того света. Поэтому репутация и честь были для доктора не пустым звуком, ведь что такое профессионализм без доброго имени? Так, замок из песка.

По окончании встречи Джемма ни нашла в себе сил ни на прогулку по тихим ночным улицам Долины, ни на душевную беседу с Надин. Она с тяжелым сердцем поднялась на второй этаж тетиного дома, осторожно ступая на поскрипывающие половицы, чтобы никого не разбудить, и, расстегивая по пути жемчужные пуговички комбинезона, с грустью думала о том, что дружба в детстве кажется более искренней и значимой. Добравшись до своей спальни, она тихо открыла дверь и вдруг почувствовала, что в комнате кто-то есть. В другое время присутствие человека в спальне не особенно бы ее напугало, но в свете последних событий она вздрогнула, прикусив губу, и резко включила свет. В глубине комнаты за миниатюрным бюро сидел улыбающийся Николая. Юноша тут же поднялся ей навстречу, но Джемма резко замерла у входа с таким испуганным выражением лица, что он тоже оторопел, не понимая, рада она его появлению или нет.

– Ник?! – наконец произнесла девушка, все еще испуганно хлопая глазами. – Как ты здесь оказался?

– Так же, как и всегда, через балкон, – смеясь, ответил мо-

лодой человек, внимательно разглядывая застывшую в дверях девушку. – Как ты изменилась, крошка Джемма, стала еще красивее. Да, теперь тебя, наверное, не стоит так называть, теперь ты настоящая Джемма-Виктория.

Услышав обращение «крошка Джемма», да еще произнесенное до боли знакомым голосом, девушка почувствовала слабость в ногах. Если бы Николая сказал еще что-нибудь, она бы непременно съехала всем телом вниз по дверному косяку и распласталась бесформенной кучей на полу. Но он молчал, все еще не понимая ее реакции. И это позволило девушке немного прийти в себя.

«Крошка Джемма» – так Николая называл ее с детства, будучи старше на три года. Сейчас она вдруг почувствовала себя маленькой девочкой, бегающей с сачком за бабочками. Она ловила этих хрупких насекомых и в банке приносила Николая, а он умертвлял для нее хлопающих по стеклу крыльшками несчастных созданий, вкалывая иглу в секретное место, где-то между головкой и брюшком, а потом вручал ей со словами: «Все готово, крошка Джемма, получай очередной хладный труп для твоей коллекции».

«Как же это было давно», – подумала девушка, а может, даже произнесла эти слова вслух. Встреча, которую она сотни раз прокручивала в голове, которая снилась ей, встреча, для которой были продуманы все диалоги, позы, происходила прямо сейчас, в реальном времени, но Джемма будто застыла в вязком желе. Мозг словно отказывался ей подчи-

няться, и она пролепетала самую нелепую, на ее взгляд, фразу, а впоследствии корила себя за нее беспрестанно:

– Ты тоже изменился, даже, кажется, ростом стал выше, – и улыбнулась ему, как будто не было между ними этой пропасти или скорее горы Джемминых разочарований, бессонных ночей, ненависти к себе, ненависти к нему, жалости к себе и еще страха.

Николя же никогда не боялся их встречи, он знал, что Джемма не станет его упрекать и даже спрашивать, что тогда произошло. Она не была из тех, кто выпрашивает любовь к себе, она просто наслаждалась, когда ей ее давали.

И сейчас Николя был готов дать ей весь мир. Улыбка, сиявшая на ее лице, не была улыбкой радости от долгожданной встречи, она просто знала, что если Николя здесь, значит, он хочет здесь быть, и неважно, что было четыре года назад, что будет завтра или через десять лет, ведь счастье нельзя просчитать – это лишь мгновение, и это мгновение было прямо сейчас.

Эта улыбка, скользнувшая по лицу Джеммы, была для Николя неким сигналом, он тут же заключил ее в объятия, прижал к себе, как потерянное дитя, и несколько раз поцеловал в голову, наслаждаясь ароматом ее волос.

– Ах, какая же ты хорошенькая, просто настоящая богиня! Время идет, и оно на твоей стороне, милая, – нежно шептал юноша и, приподняв ее лицо за подбородок, хотел поцеловать в губы, но Джемма высвободилась из его объятий,

неторопливо и изящно прошла к дивану, собрав волосы на одну сторону и села эффектно закинув ногу на ногу.

Она хотела прожить свой момент счастья, сполна насладиться каждой его секундой, не торопясь, не расплескивая. Потому что Николая был для нее особенным, ее первой любовью, первым парнем, который научил ее целоваться и наслаждаться чувствами, именно с ним она прожила свою первую ночь любви. Джемме хотелось тоже быть значимым человеком для него, девушкой, память о которой он пронесет через всю жизнь, будет боготворить время, проведенное с ней, и прошепчет ее имя, набирая в грудь последнюю в жизни каплю воздуха.

Джемма представила себя воплощением всех прекрасных женщин, когда-то живших на земле, она вскинула на него гордый профиль, как у Нефертити, сладострастно откинулась на спинку кресла, как тициановская Даная, и заговорила голосом, будоражащим воображение, будто сказочный голос Шахерезады:

– Я знала, что рано или поздно мы встретимся, но не думала, что сегодня.

Сказав это, Джемма почему-то смутилась и почувствовала, как предательски зарделись ее щеки, она хотела скрыть свое волнение, но оно не ускользнуло от зорких глаз опытного соблазнителя. Николай знал ее слишком давно, чтобы не заметить, как подрагивает ее верхняя губа и тонкие пальцы излишне сильно сжимают подлокотник кресла.

– Знаешь, как говорят: «Сегодня для любого дела самый лучший день!» – заговорил он мягко и уверенно, как могут только очень успешные мужчины. – Хотя в Долине каждый день – самый лучший, что скажешь? Я столько путешествовал, кажется, полмира пешком прошел, а остальную половину проплыл на серфе, но не там, за океаном, ни посредине пустыни – нигде нет таких закатов, как в Долине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.